

Этот журнал выходит четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полу-года, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проектѣ, въ домѣ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

194
198

335
134

510

№ 7. АПРѢЛЬ 1844.

A 139
36

~~438~~

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя извѣстія. — *Иностранная Словесность.* Альбина, повѣсть Александра Дюма. (Продолженіе.) — *Науки и Художества.* Экспедиція подпоручика Нахусова, для описи восточнаго берега новой земли, въ 1832 и 1833 годахъ. — *Смѣсь.* Паденіе Валансіенской башни. — Макдональд-Клеркъ, сѣверо-американскій сумашедшій поэтъ. При этомъ номерѣ приложенъ рисунокъ, изображающій паденіе Валансіенской башни.

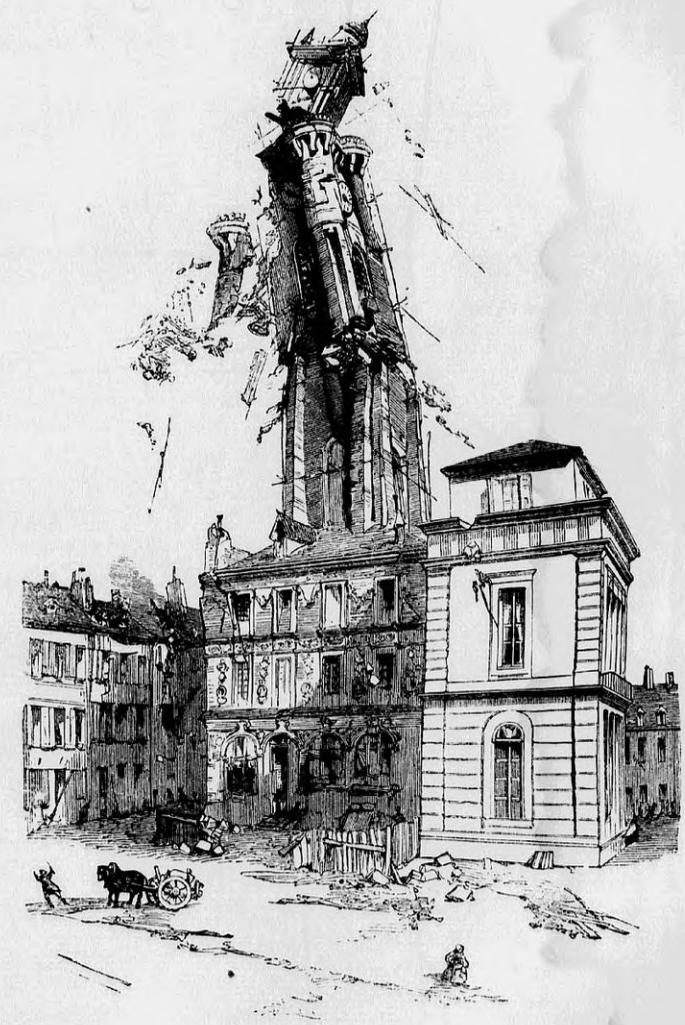
ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

THE
CITY OF
NEW YORK

CHARTER

OF THE
CITY OF
NEW YORK

AS AMENDED
BY THE
LAW OF
MAY 15 1898

А 139
36

450

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Выходитъ четыре раза въ мѣсяць. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 50 коп., за полгода—8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полугода, 70 копѣекъ.

Журналъ

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургъ на Невскомъ-Проспектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домъ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію С. П. бургскаго Почтамта.

ПОЛИТИКИ, ИСТОРИИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

ГОДЪ ТРИЦАТЬ-ВТОРОЙ.

№ 7. АПРѢЛЬ 1844.

Современная Исторія

и
Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШИЯ ГРАМОТЫ.

Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, состоящему при Генералъ-Адъютантѣ Графѣ Бенкендорфѣ для особыхъ порученій, въ званіи Каммергера, *Лазареву.*

Въ воздаяніе отлично-усердной службы по возлагаемымъ на васъ порученіямъ и ревностныхъ трудовъ на пользу управляемаго вами Московскаго Института Восточныхъ языковъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ, согласно ходатайству Генералъ-Адъютанта Графа Бенкендорфа и удостоенію Комитета Министровъ, Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Св. Станислава первой степени, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

въ С. Петербургѣ, 47 Марта 1844 года.

Нашему Генералъ-Адъютанту, Генералъ-Лейтенанту С. Петербургскому Оберъ-Полиціймейстеру, *Кокоскину.*

Въ воздаяніе отлично-усердной службы вашей и дѣятельнаго исполненія лежащихъ на васъ обязанностей по званію Оберъ-Полиціймейстера, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Бѣлаго Орла, знаки коего при семъ препровождая, пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ вамъ благосклонны.

Нашему Генералъ-Маіору, исправляющему должность Начальника 3-го Отдѣленія Черноморской Береговой Линіи, *Муравьеву.*

Въ воздаяніе отличнаго мужества и благоразумной распорядительности, оказанныхъ вами противу Горцевъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1843 года, при движеніи отряда нашего въ Псху, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Св. Станислава первой степени, знаки коего при семъ препровождая, пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ вамъ благосклонны.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ, 26 Марта 1844 года.

УКАЗЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Снисходя на прошение Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, Сенатора, Тайнаго Совѣтника Князя *Ширинскаго-Шиматова*, и по уваженію умножившихся его служебныхъ занятій, Всемилостивѣйше повелѣваемъ уволить его отъ управленія Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія.

Вице-Директору Департамента Народнаго Просвѣщенія Дѣйствительному Статскому Совѣтнику *Гасе-скому*, Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть Директоромъ, а Начальнику Отдѣленія Коллежскому Совѣтнику *Берте* Вице-Директоромъ сего Департамента.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ С. Петербургѣ, 13, Апрѣля 1844 года.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ засѣданіи Палаты Перовъ, Г. *Гизо* отвѣчалъ на нападеніе, которымъ оппозиція подвергла политику министерства. Онъ сказалъ, что есть упреки, на которые прискорбно отвѣчать, именно тѣ, которые повторяются и опровергаются уже въ двадцатый разъ, и притомъ опровергаются естественными судьями въ дѣлѣ, Палатами и страной. Уже въ двадцатый разъ говорятъ одно и тоже въ отношеніи къ Отанги, Испаніи, Греціи и другихъ земель. Оппозиція силится пышными словами раздражить страну; но страна отвергаетъ оппозицію; она на сторонѣ правительства и рѣшила, что политика его вовсе не вредитъ интересамъ Франціи. Послѣ того Министръ коснулся вопроса о назначеніи содержанія Герцогу Немурскому. Онъ сказалъ, что дѣйствительно Кабинетъ почитаетъ этотъ вопросъ естественнымъ слѣд-

ствиемъ закона о регентствѣ, мѣрою законною, справедливою и полезною въ интересъ всего государства, потому что выгоды королевской фамилии не могутъ не быть въ то же время и выгодами самой страны. (*Очень хорошо!*) Но печальный опытъ показалъ, что этимъ вопросомъ воспользовались, чтобы распространить множество заблужденій и клеветъ, которыми овладѣло легковѣрное невѣжество и злобный эгоизмъ. И такъ, надлежитъ прежде опровергнуть эти заблужденія, исцѣлить зло, ихъ породившее, и потомъ уже представить на судъ общественныхъ властей подобный вопросъ. Это не такой вопросъ, который бы можно было пустить на-удачу и безнаказанно допустить уронить, потому что подобная неудача была бы бѣдствіемъ не только для самаго вопроса, но и для монархій и для королевской власти. Достигнувъ этой первой цѣли, разувѣривъ страну на-счетъ фактовъ, относительно которыхъ она введена въ заблужденіе, правительство почтетъ своимъ долгомъ предложить означенный вопросъ на обсужденіе Палатъ и похотатайствовать рѣшеніе, соотвѣтственное великимъ интересамъ государства. (*Очень хорошо!*) За тѣмъ Министръ обратился къ вопросу объ Отанги. Онъ объявилъ, что когда Франція принимала этотъ островъ подъ свое покровительство, то надобно было предвидѣть нѣкоторыя затрудненія, потому что тамъ находились англійскіе миссіонеры, которымъ протекторство Франціи не нравилось, и притомъ нѣкоторые изъ проводителей на островахъ были также тѣмъ недовольны. Эти люди и миссіонеры готовили затрудненія; Коммодоръ *Николасъ*, командующій фрегатомъ, тамъ находившимся, поддерживалъ тайно противниковъ протекторства. Но надобно замѣтить, что англійскіе офицеры и самъ Консулъ дѣйствовали самопроизвольно, безъ всякихъ инструкцій отъ своего правительства. Это правительство открыто и вполне признало протекторство Франціи, и предписало своимъ офицерамъ не противопоставлять ей никакихъ препятствій. Въ то время, какъ Контръ-Адмиралъ *Дюпети-Туаръ* возвращался къ Отанги, англійскій Адмиралъ *Томасъ*, чтобы избѣжать неудовольствій и столкновеній, удалилъ немедленно своихъ офицеровъ. Онъ слѣлалъ это еі е до полученія отъ англійскаго Адмиралтейства отправленныхъ съ этою цѣлію предписаній. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Адмиралъ *Дюпети-Туаръ* прибылъ на Отанги. Затрудненія существовали, но были ли они важны? Спусти 3 или 4 дня по своемъ прибытіи, Адмиралъ возбудилъ новый вопросъ, флагъ. Министръ еще разъ старался доказать несообразность его притязаній, о которой уже

было столько разъ говорено. Онъ повторилъ, что не было никакого повода къ занятію острововъ; что это дѣйствіе было несправедливо и противно политикѣ; что правительство, не одобрявъ его, слѣдовало только внушеніямъ чести и зараваго смысла, но вовсе не увлекалось, какъ утверждаютъ, страхомъ Англій, и что Франція не домогалась протекторства, но припла его, когда оно было предложено, для защиты тамошнихъ торговыхъ и религіозныхъ интересовъ.

На другой день въ конференцъ-залѣ Палаты Депутатовъ было необыкновенное движеніе. Въ собраніи, въ которомъ присутствовали: Гг. *Тьерсъ, Беррье, Барро, Билло, Дюко и Шамболль*, предложены были самыя странныя рѣшенія. Между прочимъ, одно изъ нихъ состояло въ томъ, чтобы подвергнуть Министерство формальному обвиненію по дѣлу Отанги. Послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшеніе это, однако жъ, было оставлено и собраніе положило только просить сего дня о позволеніи обратиться къ Министерству съ разными вопросами и назначить вопрошеніе Кабинета на слѣдующую пятницу. Отъ этого новаго и послѣдняго усилія много ожидаютъ. Такимъ образомъ въ нынѣшнемъ собраніи Палатъ оппозиція всѣхъ партій и оттъпковъ въ шестой или седьмой разъ уже выступаетъ противъ Кабинета въ полной надеждѣ низринуть его. Но Кабинетъ до-сихъ-поръ стоитъ твердо, и мы можемъ увѣрить оппозицію, что онъ надѣется отразить и эту новую бурю, потому что дѣло объ Отанги не измѣнилось съ-тѣхъ-поръ, какъ оно торжественно рѣшено Палатою. Донесеніе Адмирала *Дюпети-Туара* не можетъ послужить оппозиціи оружіемъ противъ Кабинета. Дѣло находится въ томъ же положеніи, въ коемъ оно было за два мѣсяца передъ симъ, когда большинство, состоявшее изъ 45 голосовъ, рѣшило, что распоряженіе Кабинета не подастъ повода къ порицанію. Правительство полагало, что Адмиралъ *Дюпети-Туаръ* не имѣлъ права низложить Королеву *Помаре* за то, что она водрузила ничего-незначащій флагъ на хижины своей, которую напрасно называють дворцомъ. Министерство сочло болѣе справедливымъ и благоразумнымъ остаться при протекторствѣ, которое нашъ Адмиралъ, въ минуту досады и дерзости, превратилъ въ обладаніе. Что жъ касается до правъ нашихъ, то протекторство вполне обезпечиваетъ истинные наши интересы; флагъ нашъ развѣвается на Отанги и впредь будетъ тамъ развѣваться; Консулъ же *Притгардъ* и англійскіе миссіонеры должны будутъ признать протекторство Франціи, такъ-какъ оно признано правительствомъ. Вотъ въ нѣсколькихъ

словахъ все дѣло, по-крайней-мѣрѣ, для тѣхъ, которые хотятъ судить объ немъ безъ предубѣжденія и не ищутъ въ немъ пустаго предлога для разрыва съ Англією.»

— Въ Парижѣ считаютъ необходимымъ новое неприязненное столкновеніе между Францією и Мексикою съ-тѣхъ-поръ, какъ даже газета *Morning-Post* высказала свое мнѣніе, что честь Франціи требуетъ, чтобы она прибѣгла къ оружію для принужденія Мексиканцевъ къ уступкѣ по разнымъ спорнымъ пунктамъ. Французскій посланникъ въ Мексикѣ Г. *Алле-де-Синпре* принялъ уже сильныя мѣры на случай разрыва, котораго онъ ожидаетъ, какъ слѣдствіе холодности, съ какою мексиканское правительство приняло послѣднюю его ноту. Требования, въ этой нотѣ приложенныя, съ точностію еще неизвѣстны. Одни говорятъ, что Г. *Алле-де-Синпре* требовалъ денежнаго вознагражденія, въ три милліона піастровъ; другіе увѣряютъ, что нота заключаетъ въ себѣ протестъ противъ постановленія, которымъ всѣмъ иностранцамъ въ Мексикѣ воспрещается производить въ разницу торговлю. Послѣднее болѣе вѣроятно. Французскій посланникъ объявилъ всѣмъ французскимъ подданнымъ, проживающимъ въ Мексикѣ, чтобы они не повиновались этому постановленію и вполне надѣялись на защиту своего правительства. Чтобы имѣть дѣйствительную возможность оказывать имъ обѣщанную защиту впредь до дальнѣйшихъ распоряженій со стороны тюльерійскаго Кабинета, Г. *Алле-де-Синпре* отправилъ курьера къ командиру корветта *la Brillante*, стоящаго передъ Вера-Крусомъ, съ приказаніемъ не оставлять этого поста и распорядиться о прибытіи туда же прочихъ французскихъ военныхъ кораблей, крейсирующихъ въ Мексиканскомъ заливѣ.

— Жители Константинополя были встревожены недавно мѣрою правительства, цѣль которой была имъ неизвѣстна. 27-го (15) марта обнародованъ былъ общій призывъ, отъ имени Султана, ко всѣмъ Мусульманамъ, явиться на другой день, 28-го (16) ч., въ мечети, для выслушанія фирмана. Его Величества. Каждый толковалъ по-своему это обнародованіе. Одни сочли его за полицейскую мѣру, предпринятую для того, чтобы избавиться этимъ способомъ отъ всѣхъ подозрительныхъ людей; другіе думали, что это предпринято было для облегченія народнои переписи въ столицѣ; а самые робкіе изъ христіанъ, вообразивъ, что объявятъ народу перемѣну въ законѣ мусульманскомъ, принимали уже мѣры предосторожности для обезопасенія жизни своей и своихъ

семействъ. 28-го (16) марта, всѣ конторы, магазины и лавки христіанъ были закрыты; немногіе изъ Европейцевъ осмѣливались въ этотъ день перейти изъ Перы въ Галату, и ни одинъ не отправился въ Стамбуль; съ самаго ранняго утра взводы солдатъ, въ сопровожденіи полицейскихъ служителей, начали обходить кварталы Стамбула и предмѣстій, заставляя всѣхъ Османлисовъ, волею и неволею, идти въ мечети, ближайшія къ тому мѣсту, гдѣ они были остановлены. По мѣрѣ того, какъ они входили въ мечети, имъ не дозволяли уже выходить оттуда. Въ 10 часовъ утра, кромѣ солдатъ и полицейскихъ, не видно было ни одного Турка на улицахъ; изъ 12,000 яликовъ, которые за день передъ тѣмъ покрывали весь Босфоръ, едва можно было насчитать сотню, на которыхъ находились гребцы христіане; не видно было ни рабочихъ, ни турецкихъ носильщиковъ: всѣ они заперты были въ мечетяхъ. Между-тѣмъ, всѣ арсенальныя шлюпки находились въ большомъ движеніи: на нихъ перевозили на военныя турецкія суда, расположенныя въ линію, въ недалекомъ разстояніи отъ берега, всѣхъ тѣхъ, которыхъ выводили изъ мечетей. Два парохода принимали значительную часть этихъ людей съ военныхъ судовъ и перевозили ихъ на островъ *Халки* (одинъ изъ Принцевыхъ-Острововъ). Такимъ образомъ перевезено, въ продолженіи 12-ти часовъ, въ *Халки* болѣе 22,000 человекъ; другіе же были отпущены, получивъ охранные билеты для продолженія своихъ занятій. На другой день равнымъ образомъ освобождено около 10,000 изъ числа перевезенныхъ на островъ *Халки*, то есть, всѣ тѣ, которые были въ состояніи представить поручительство въ своемъ поведеніи; остальные 12,000 взяты въ солдаты и отправлены въ разныя казармы. Наконецъ убѣдились, что цѣлью всѣхъ этихъ распоряженій было — взять въ военную службу всѣхъ тѣхъ, которые старались избѣжать набора, скрываясь въ столицѣ. Все это произошло въ удивительномъ порядкѣ, не слышно было ни малѣйшаго крика возмущенія, ни малѣйшей угрозы. Великій Сераскіръ, *Риза-Паша*, вышелъ на берегъ въ Унъ-Капу съ многочисленной свитой, сѣлъ на лошадь, для отъѣзда въ Порту; едва сдѣлавъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ толпа женщинъ загородила ему дорогу, умоляя его о помилованіи. Однѣ схватили его стремени, другія узду его коня, болѣе смѣлая ухватились за полы его форменнаго сюртука, требуя у него своихъ сыновей, мужей и братьевъ. Солдаты хотѣли было отогнать ихъ; но Паша сдѣлалъ имъ знакъ,

что бы они не употребляли насилія. Настоянія этихъ женщинъ были столь сильны, что концы сюртука Сераскірова были оторваны въ куски; онъ принужденъ былъ тогда приширить лошадь и такимъ образомъ избавился отъ этой толпы женщинъ, которыя не могли болѣе слѣдовать за нимъ.

— Последній камень государственнаго уложенія Греціи положенъ. Король подписалъ государственное уложеніе, и присягнувъ сохранять его. Это торжество происходило 30-го марта. Зала была совершенно наполнена публикою. Греки, изъ всѣхъ провинцій королевства, прибыли во множествѣ, чтобы быть свидѣтелями этой церемоніи; особенно много было дамъ, занимавшихъ отдѣльную галерею. Въ дипломатической ложѣ находились посланники Австріи, Англіи, Пруссіи, Турціи, Франціи и Баваріи, и повѣренные въ дѣлахъ Швеціи, Бельгіи, Голландіи и Испаніи, съ своими секретарями и состоящими при посольствахъ. За полчаса до вступленія короля, вошелъ президентъ Совѣта Министровъ, Вице-адмиралъ *Канарисъ*, и надѣлъ, отъ имени Короля, ленту ордена Спасителя на почтеннаго, ста-семи-лѣтняго старца *Пауса Нотараса*, Президента Національнаго Собранія. Ихъ Величества прибыли въ три часа по полудни, со всѣмъ дворомъ, и были встрѣчены и введены въ залу депутаціею, при громѣ орудій и радостныхъ восклицаніяхъ народа и войскъ. Во время принесенія присяги, Королева была очень тронута. Сто одинъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ жителямъ столицы объ окончаніи торжества. Король объявилъ, въ нѣсколькихъ словахъ, Національное Собраніе распущеннымъ. Вечеромъ горѣли смоляныя бочки и весь городъ былъ иллюминированъ. Въ этотъ день былъ отданъ приказъ, которымъ многіе пожалованы чинами и орденами.

Иностранная Словесность.

АЛБИНА.

(продолженіе).

VIII.

Ионатанъ, исполняя последнюю волю Вильгельмины, отвезъ свою дочь въ Вѣну. Благодаря письму Альбины, Роземонда была принята въ монастырѣ съ такимъ же радушіемъ, какъ-будто она была дочь самой графини фонъ-Эппштейнъ.

Въ домѣ егермейстера поселилось какое-то уныніе. Всѣ его жители были молчаливы и мрачны. Гаспаръ не оставялъ своего дома и садика: въ ясную погоду, онъ любилъ сидѣть на скамьѣ у воротъ, а въ ненастье, придвигалъ свои кресла къ очагу и предавался воспоминаніямъ, либо думалъ о скорой разлукѣ съ міромъ. Ионатанъ съ ранняго утра отправлялся на охоту и, чаще всего, возвращался вечеромъ, съ пустыми руками; цѣлый день онъ бродилъ въ самыхъ мрачныхъ мѣстахъ или задумчиво лежалъ подлѣ вѣсомъ какого-нибудь дерева. Что касается до Эверарда, печаль не могла оледенить его молодого сердца; но въ своемъ уединенномъ жилищѣ, вдали отъ людей, онъ развивался какъ дикій цвѣтокъ. Онъ не видѣлъ людей, кромѣ Гаспара и Ионатана; весь міръ для него заключался въ древнемъ замкѣ и въ окрестномъ лѣсу. Но ему былъ знакомъ другой міръ, міръ невидимый; онъ вездѣ видѣлъ свою мать, всегда думалъ лишь объ ней. Свидѣтелемъ и повѣреннымъ его

думъ и мечтаній былъ темный лѣсъ, который вполне соответствовалъ его мечтательному характеру. Здѣсь были глубокіе овраги, куда не проникалъ дневной свѣтъ; здѣсь ропщущіе ручейки перекликались съ хорами птицъ; мѣстами, на угрюмыхъ гранитныхъ скалахъ, возвышались полуразрушенныя башни. Натурально, что привидѣнія должны были полюбить эти развалины былаго.

Эверардъ хорошо зналъ эту зеленѣющую вселенную. Онъ взбирался на высокія деревья и спускался въ глубокія бездны; онъ любилъ лѣсъ, какъ друга, и лѣсъ какъ-будто отвѣчалъ на эту любовь, какъ-будто баловалъ его своими ласками. Эверардъ любилъ все, что окружало его; никогда онъ не ломалъ древесныхъ вѣтвей, боялся раздавить ногою какой-нибудь цвѣтокъ, съ грустью слушалъ жалобные крики совы и даже оказывалъ сожалѣніе змѣямъ. За то и всѣ обитатели лѣса какъ-будто видѣли въ Эверардѣ такое же невинное и доброе существо, какъ и они сами, и безъ всякаго страха увивались кругомъ его, когда онъ отдыхалъ подлѣ какого-нибудь дерева. Въ этомъ-то лѣсу, Эверардъ видѣлся съ своею матерью. Ему стоило только закрыть глаза, — и святое видѣніе представлялось его воображенію. Но иногда онъ видѣлъ свою неземную покровительницу и открытыми глазами. Она поддерживала его, когда онъ бродилъ по окраинамъ стремнинъ, либо взбирался по сыпучему каменику; иногда она говорила съ нимъ и давала ему свои совѣты. Ея голосъ былъ голосъ самаго лѣса: то нѣжный и пріятный, то важный и строгій, а иногда грозный и страшный. Напримѣръ, на зарѣ какого-нибудь майскаго дня, когда свѣжій вѣтерокъ ласкалъ чело Эверарда, нашъ пустынный, отдыхавъ на зеленѣющей лужайкѣ, воображалъ, что онъ въ объятіяхъ матери, посылая ей тысячу поцѣлуевъ и какъ-будто слышалъ ея ласковыя рѣчи: — Я люблю тебя, мое милое дитя; улыбнись мнѣ, взгляни на меня, я люблю тебя! — Живое пламя любви наполняло тогда всю душу Эверарда, и онъ не чувствовалъ своего одиночества и сиротства.

Альбина была вмѣстѣ съ тѣмъ и наставницею своего сына. Были минуты, когда она внушала ему высокіе уроки нравственности. Напримѣръ, въ торжественныя часы вечера, когда темныя тѣни стлались по землѣ, — съ последнимъ шелестомъ листьевъ, съ

последнимъ щебетаньемъ птичекъ, съ последними лучами солнца, онъ слышалъ мудрые совѣты матери. Какіа-нибудь развалины, какое-нибудь сломанное вѣтромъ дерево — были краснорѣчивымъ убѣжденіемъ Альбины; иногда, остановившись на вершинѣ горы, онъ слышалъ, подъ своими ногами, продолжительный шумъ, какъ-будто отдаленное эхо вѣчности. Это Майнъ тихо и величественно катилъ свои волны, посеребренные первыми лучами луны. Такъ вся природа представляла нѣкоторымъ образомъ посредника и толмача между юнымъ мечтателемъ и его покойною матерью; даже скучный дождь и угрюмый туманъ, которые ставляли его предаваться размышленію, даже буря, которая, словно грозный упрекъ, производила въ его сердцѣ спасительный трепетъ, покуда не пробивался, сквозь облака, ясный лучъ солнца, словно привѣтный поцѣлуй.

Такъ воспитывался Эверардъ. Прихотливый вѣтеръ и тѣнь покойной матери были его наставниками; болѣе онъ не слышалъ никого. Едва ли онъ зналъ, что у него былъ отецъ. Правда, въ домикѣ Гаспара иногда говорили о графѣ Максимиліанѣ; но это имя не пробуждало никакого эха въ сердцѣ Эверарда. Въ замкѣ была отведена ему отдѣльная комната, но онъ рѣдко заглядывалъ туда, и большею частью оставался подъ кровлею Ионатана; здѣсь онъ былъ возлѣ своего любимого лѣса; кромѣ того, въ лѣтнюю пору, самый домикъ егермейстера, убранный цвѣтами, приходилъ на лѣсъ.

Въ чащѣ лѣса, близъ одного ручья, Эверардъ нашелъ пещеру, въ одной утесистой скалѣ. Это убѣжище, закрытое кустарникомъ и фиговыми деревьями, очаровало его. На противоположномъ берегу ручья, отвѣсно стѣною поднималась гора, поросшая гигантскими елями; мрачная зелень этихъ деревьевъ и ропотъ волнъ придавали сценѣ какое-то грустное величіе. Здѣсь Эверардъ проводилъ большую часть ночи и половину дня; здѣсь онъ предавался воспоминаніямъ о своей матери и Вильгельминѣ и, надо прибавить, мечталъ о Роземондѣ. Да, онъ желалъ возвращенія Роземонды; подруга его дѣтства непрестанно носилась передъ его глазами въ своемъ черномъ беретѣ, изъ-подъ котораго выбѣгали бѣлокурые кудри, съ своимъ розовымъ личикомъ и своей улыбкою. Роземонда бы-

ла единственною связью, которая соединяла его со здѣшнимъ міромъ.

Во всемъ прочемъ, не смотря на свои четырнадцать лѣтъ, Эверардъ походилъ на сорокалѣтняго Ионатана и на Гаспара, которому было за восемьдесятъ. Важный и молчаливый, какъ старикъ, онъ садился возлѣ нихъ у очага и не говорилъ ни слова, равно какъ не спрашивали и его, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ. Но когда приходило письмо отъ Роземонды, тогда въ домѣ егермейстера какъ-будто наступалъ праздникъ. Эверардъ прыгалъ отъ радости, Ионатанъ плакалъ отъ умиленія, и самый Гаспаръ выходилъ изъ своего безмолвнаго созерцанія. Потомъ начиналось чтеніе письма, что предоставлялось Эверарду. Роземонда писала о своихъ подругахъ и объ своихъ успѣхахъ. Ее учили исторіи, французскому и англійскому языкамъ, рисованію и музыкѣ. Письмо читали, перечитывали, объясняли, ипотомъ снова перечитывали. Въ эти вечера, долѣе обыкновеннаго горѣла лампа въ комнатѣ егермейстера. На другой день, всѣ еще думали о Роземондѣ, но ни кто не говорилъ ни слова.

Въ такомъ уединеніи, въ такой совершенной независимости, между привидѣніями, среди вѣковыхъ сосенъ, протекла мечтательная юность Эверарда. Онъ не читалъ никакихъ книгъ, кромѣ книги природы, которая всегда была открыта передъ его глазами; онъ не говорилъ ни съ кѣмъ, кромѣ Гаспара и Ионатана, и то очень рѣдко. Когда какой-нибудь дровосѣкъ или крестьянинъ встрѣчался ему въ лѣсу, онъ убѣгалъ отъ него, какъ испуганная лань. Его жизнь проходила тихо и почти безъ всякихъ переменъ, со времени разлуки съ Роземондою до 1808 года.

IX.

Въ это время старикъ Гаспаръ почувствовалъ какую-то слабость, которая увеличивалась со-дня-на-день. Въ одно утро онъ былъ уже не въ силахъ встать съ постели, чтобы, по обыкновенію, выйти къ воротамъ, или сидѣть у камина. Онъ позвалъ къ себѣ Ионатана.

— Другъ мой, сказалъ онъ, я чувствую приближеніе моей смерти.

— Это минутная слабость, батюшка, отвѣчалъ егермейстеръ, съ невольною тревогою сердца.

— Нѣтъ, Ионатанъ, возразилъ старикъ спокойно: не долго остается мнѣ жить на этомъ свѣтѣ; но я не жалѣю, напротивъ, я радуюсь этому. Но прежде чѣмъ разстанусь съ жизнью, я желалъ бы сдѣлать два дѣла. Мнѣ хотѣлось бы знать, что стало съ моею Ноэми: жива ли она, или я встрѣчу ее тамъ. Это желаніе не исполнится; но другое желаніе... ты можешь удовлетворить его.

— Говорите, батюшка.

— Ионатанъ, ужели я не увижу, въ послѣдній разъ, нашей Роземонды?

— Завтра, батюшка, я поѣду за нею въ Вѣну.

— Благодарю, Ионатанъ; Богъ благословитъ тебя за это, и, надѣюсь, благоволитъ мнѣ дожидаться твоего возвращенія.

На другой день егермейстеръ, въ самомъ дѣлѣ, былъ въ дорогѣ. Далеко провожалъ его Эверардъ, который желалъ бы даже ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Вѣну, но долженъ былъ возвратиться домой, потому что нѣкого было оставить съ большимъ старикомъ. Было давно за полдень, какъ Эверардъ обнялъ путешественника и, пожелавъ ему счастливаго пути, медленными шагами пошелъ домой. Настала уже ночь, какъ онъ вошелъ въ лѣсъ; но это была июньская ночь, тихая и ясная. Эверардъ остановился на одной горѣ, откуда видѣлась очаровательная панорама окрестныхъ холмовъ и долинъ, облитыхъ блѣднымъ мерцаніемъ луны. Онъ сѣлъ на траву и задумался; онъ чувствовалъ нужду оглянуться на прошедшее и подумать о будущемъ; ему казалось, что наступалъ новый періодъ его жизни.

Часы этого раздумья пролетѣли быстро; занялась заря и своимъ свѣтомъ увѣнчала вершину горы, на которой находился Эверардъ. Мечтатель совершилъ утреннюю молитву и поспѣшилъ домой. Его дорога шла мимо любимаго грота; онъ хотѣлъ посѣтить свое убѣжище, но вдругъ, съ крикомъ изумленія и негодованія, отступилъ назадъ на нѣсколько шаговъ. На берегу ручья, близъ грота, сидѣлъ какой-то незнакомецъ, опустивъ голову на свою руку. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти, съ прекраснымъ и выра-

зительнымъ лицомъ, въ зеленомъ, застегнутомъ съ верху до низу, рединготѣ, на которомъ видѣлась красная ленточка. Въ его приѣмахъ было что-то воинственное. Вдругъ Эверардъ замѣтилъ, что незнакомецъ плакалъ, и тотчасъ почувствовалъ къ нему живую симпатію. Послѣ минутнаго молчанія, онъ произнесъ слабымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Блаженны плачущіе!

— Кто это говоритъ? сказалъ незнакомецъ, обернувшись къ Эверарду. Какой-то мальчикъ! Другъ мой, ты здѣшний? прибавилъ онъ.

— Да, милостивый государь.

— Значитъ, ты можешь сказать мнѣ.... но у меня нѣтъ силъ говорить; позволь мнѣ нѣсколько собраться съ мыслями.

— Плачьте, выплачьте всѣ слезы, сказалъ Эверардъ, тронутый горестью незнакомца: слезы облегчаютъ душу. Знаете ли вы легенду о водахъ этой горы? прибавилъ онъ, какъ-будто разговаривая самъ съ собою. Какой-то нечестивый рыцарь рассказалъ одному святому пустыннику исторію своей жизни, но не по чувству раскаянія, а въ насмѣшку. Что мнѣ теперь дѣлать, отецъ, прибавилъ онъ: чтобы загладить свои преступленія? — Стоитъ только наполнить водою эту бутылку, отвѣчалъ пустынникъ. — Что такъ мало? и ужели ты разрѣшишь меня отъ грѣховъ за такую бездѣлицу? — Да; но дай мнѣ слово благороднаго чловека, что исполнишь это, сказалъ пустынникъ. — Даю; кажется не такъ далеко бьетъ источникъ. Съ этимъ словомъ, рыцарь пошелъ къ источнику; но только-что онъ приблизился, какъ источникъ пересохъ. Онъ пошелъ къ ручью, — пересохъ и ручей; пошелъ къ потоку — потокъ изсякъ; пошелъ къ рѣкѣ, но вода не полилась въ бутылку; пошелъ къ морю, но морскія волны даже не омочили краевъ бутылки. Послѣ этихъ бесполезныхъ странствованій, рыцарь возвратился къ пустыннику. — Старикъ, сказалъ онъ, ты посмѣялся надо мною; но это не пройдетъ тебѣ даромъ. Рыцарь ударилъ пустынника по щекамъ. — Боже мой, будь милосердъ къ нему! произнесъ пустынникъ. — Проси лучше за себя, вскричалъ рыцарь и толкнулъ пустынника съ такою силою, что тотъ повалился на землю. — Боже, произнесъ старецъ, прости его грѣхи? — Замолчишь ли ты наконецъ? закричалъ взбѣшенный рыцарь и поразилъ от-

шельника своею шпагою. — Боже! сказалъ отшельникъ, прости его, какъ я прощаю. Эти евангелическія слова потрясли ожесточенное сердце рыцаря; онъ затрепеталъ и упалъ на колѣни предъ благочестивымъ старцемъ, и вотъ слеза за слезой покатались въ пустую бутылку; она была уже полна, а рыцарь все еще плакалъ, и эти слезы не только спасли его, но, слившись съ горными источниками, сообщили имъ цѣлительную силу.

— И такъ, выплачьте всѣ ваши слезы, прибавилъ Эверардъ: слезы облегчаютъ душу, слезы утѣшаютъ въ горести.

Незнакомецъ съ улыбкою смотрѣлъ на маленькаго пастушка, который говорилъ такимъ мистическимъ языкомъ. Эверардъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ одѣтъ какъ горный крестьянинъ; но подъ этимъ грубымъ платьемъ, съ перваго раза, можно было отличить въ немъ природныя достоинства. Поэтому, путешественникъ началъ говорить съ нимъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Кто вы, мой другъ? спросилъ незнакомецъ.

— Сынъ графини Альбины фонъ-Эппштейнъ, отвѣчалъ Эверардъ.

— Сынъ Альбины! Гдѣ теперь она?

— Умерла для всѣхъ, кромѣ своего сына.

— Чтѣ вы хотите сказать?

— Умершіе всегда живутъ для тѣхъ, кто любитъ ихъ.

— Такъ Альбина живетъ и для меня, произнесъ незнакомецъ съ выраженіемъ горести: одинъ Богъ знаетъ, какъ я любилъ ее. Когда вы лишились своей матери?

— Въ тотъ день, какъ родился.

— По-крайней-мѣрѣ, отъ нея осталось что-нибудь на землѣ; позвольте, мой другъ, посвятить вамъ мою привязанность, которую я питалъ къ ней.

— Вы знали, вы любили мою мать, — и я люблю васъ, сказалъ Эверардъ.

Новые друзья подали другъ другу руки.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы такъ похожи на Альбину, снова началъ незнакомецъ. Какъ ваше имя?

— Эверардъ.

— Эверардъ, повторяю вамъ, что ваша мать ожила въ васъ.

— И она живетъ еще для меня. Повторяю вамъ,

что она умерла только для другихъ, но я слышу ее, я вижу ее; одна она моя покровительница.

Эверардъ рассказалъ исторію всей своей жизни. Незнакомецъ слушалъ этотъ странный рассказъ безъ малѣйшей улыбки недоувѣрчивости, какъ человекъ, измѣрившій слабость и шаткость своего ума передъ таинствами природы и божественнымъ всемогуществомъ. Эверардъ сказалъ нѣсколько словъ и о графѣ Максимилианѣ. Тайна смерти Альбины была похоронена вмѣстѣ съ нею; путешественникъ оплакалъ ея нечаянную смерть, не подозревая преступленія убійцы. Потомъ, незнакомецъ съ живымъ участіемъ сталъ спрашивать Эверарда и о семействѣ егермейстера.

— И такъ вы знали Вильгельмину? сказалъ Эверардъ: ея ранняя смерть такъ трогаетъ васъ. Вы оплакиваете ее и мою мать, какъ родныхъ сестеръ.

— Да, какъ родныхъ сестеръ. Но вы говорите, что старикъ Гаспаръ еще живъ, и что Вильгельмина оставила Ионатану дочь?

— Да; это моя сестра, Роземонда. Ионатанъ уѣхалъ за нею въ Вѣну.

— Онъ скоро возвратится?

— Я думаю. Онъ долженъ посѣтить, если захочетъ исполнить послѣднее желаніе Гаспара, который лежитъ теперь на смертномъ одрѣ и ожидаетъ свою внуку, чтобы еще разъ взглянуть на нее. Есть еще одно желаніе у Гаспара, но исполненіе его зависитъ отъ одного Бога: ему хотѣлось бы узнать, жива ли еще другая его дочь, Ноэми; но Ноэми во Франціи, — и это желаніе не будетъ услышано.

— Напротивъ, возразалъ незнакомецъ.

— Кто же исполнитъ его?

— Я.

X.

Эверардъ пригласилъ незнакомца въ домъ егермейстера; незнакомецъ съ радостію принялъ это приглашеніе.

— Но, сказалъ онъ, я желалъ бы увидѣться съ Гаспаромъ не прежде, какъ возвратится Ионатанъ. Тогда, какъ, съ прибытіемъ внуки, совершится одно желаніе добраго старика, я исполню и другое.

Путешественникъ говорилъ такъ рѣшительно, что Эверардъ не смѣлъ противорѣчить ему, и они отправились вмѣстѣ къ жилищу егермейстера. Когда они подошли къ домику, незнакомецъ остановился, какъ-будто подавленный тяжелыми чувствами; наконецъ онъ пришелъ въ себя, вошелъ въ домъ и послѣдовалъ, за своимъ юнымъ руководителемъ въ отдаленную комнату, гдѣ и провелъ остальное время дня. Но съ наступленіемъ ночи, онъ попросилъ Эверарда идти вмѣстѣ въ замокъ. Черезъ нѣсколько минутъ два друга были уже въ замкѣ. Эверардъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что незнакомецъ хорошо знаетъ расположеніе всѣхъ комнатъ. Они пошли прямо къ красной комнатѣ.

— Здѣсь жила моя мать, сказалъ Эверардъ, когда они приблизились къ дверямъ.

— Знаю, отвѣчалъ незнакомецъ.

Эта комната была освѣщена блѣдными лучами луны, но, и при этомъ свѣтѣ, можно было рассмотреть каждый предметъ. Незнакомецъ оперся на большія дубовыя кресла.

— Эти кресла моего дѣдушки, графа Родольфа, замѣтилъ Эверардъ.

— Знаю, снова отвѣчалъ незнакомецъ.

— А вотъ кресла моей бабушки, Гетруды, сказалъ Эверардъ, когда они подошли къ другимъ кресламъ.

— Знаю и это, произнесъ незнакомецъ, утирая слезы, какъ-будто какія-нибудь печальныя воспоминанія отягчили его сердце, при видѣ этихъ предметовъ.

— Теперь пойдете въ погребальный склепъ, прибавилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія,

Эверардъ хотѣлъ выйти изъ комнаты, но незнакомецъ удержалъ его за руку.

— Проидете здѣсь, сказалъ онъ, приблизившись къ стѣнѣ и опершись объ нее рукою.

Къ удивленію Эверарда, вдругъ отворилась потаенная дверь, за которою онъ увидѣлъ ступени лѣстницы.

— Идите за мною, сказалъ незнакомецъ.

По той мѣрѣ, какъ ночные посѣтители спускались ниже по лѣстницѣ, передъ ними разливался трепетный блескъ огня. Этотъ свѣтъ происходилъ отъ лампы, которая освѣщала подземелье, и, по завѣщанію предковъ, должна была горѣть неугасимо. Когда они вошли въ подземелье, Эверардъ сталъ на колѣни

передъ могилою своей матери, а незнакомецъ передъ могилою графа Родольфа; отсюда онъ перешелъ къ могилѣ графини Гетруды и наконецъ къ могилѣ Альбины. Приблизившись къ Эверарду, незнакомецъ услышалъ молитву, которую онъ совершалъ надъ гробомъ матери; но эта молитва была не иное чтѣ, какъ дѣтскій разговоръ съ умершею; по временамъ, Эверардъ останавливался и какъ-будто слушалъ кого-то съ радостною улыбкою. Незнакомецъ преклонилъ колѣни по другую сторону могилы. Долго молились они; наконецъ незнакомецъ всталъ и, ударивъ Эверарда по плечу, сказалъ:

— Пойдемъ, ужъ поздно; тебѣ надо отдохнуть.

Незнакомецъ день-ото-дня сближался съ Эверардомъ, который, съ своей стороны, питалъ къ безвѣстному гостю самую нѣжную привязанность. Но въ то же время, незнакомецъ не могъ не замѣтить, что его молодой другъ совершенно чуждъ здѣшняго міра. Разъ онъ заговорилъ о Наполеонѣ, и Эверардъ съ дѣтскимъ простодушіемъ спросилъ, чтѣ это за человекъ. Быть можетъ, въ ту эпоху, одинъ только Эверардъ, во всей Европѣ, не зналъ имени Наполеона. Незнакомецъ отвѣчалъ, что Наполеонъ одинъ изъ тѣхъ гениевъ, которые посылаются Провидніемъ для блага народовъ, подобно Цесарю или Карлу Великому. Но Эверардъ не зналъ ни Цезаря, ни Карла Великаго.

XI.

Завидная была смерть Гаспара. Онъ переселился въ вѣчность, съ спокойною улыбкою праведника. У его изголовья стояли тогда Конрадъ фонъ-Эппштейнъ и Роземонда. И такъ, его послѣднія желанія исполнились. На другой день, только-что занялась заря, все семейство проводило Гаспара до его послѣдняго приюта на землѣ; могила добраго старика оросилась искренними слезами.

Во время этой семейной горести, Эверардъ впервые увидѣлъ подругу своего дѣтства. Но Роземондѣ было теперь пятнадцать лѣтъ, и Эверардъ не смѣлъ подойти къ своей сестрѣ; въ его сердцѣ запала камешекъ

то непонятная тревога. Роземонда, замѣтивъ смущеніе эпштейнскаго ликаря, первая подошла къ нему и, протянувъ свою руку, сказала: здравствуй, Эверардъ. Послѣ этого, они перемѣнились нѣсколькими словами, но Эверардъ говорилъ робко, съ невольнымъ уваженіемъ.

На другой день, когда всѣ возвратились съ кладбища, Конрадъ отвелъ въ сторону Эверарда и Ионатана, чтобы довѣрить имъ свои тайны и въ то же время проститься съ ними. Долгъ повелѣвалъ ему немедленно оставить ихъ; но онъ не хотѣлъ разстаться съ сыномъ Альбины и мужемъ Вильгельмины, не сказавъ имъ ни слова о своей жизни.

— Я изгнанъ изъ своего семейства, сказалъ онъ: кромѣ васъ, никто въ свѣтѣ не принимаетъ во мнѣ участія; одни только вы знаете, что я еще существую, и только вамъ я повѣряю свою тайну. Печальна исторія моей жизни; отчасти вы знаете ее, теперь я доскажу остальное. Удалившись во Францію, я перемѣнилъ свою фамилію; меня всѣ забыли, даже я самъ забылъ себя, на нѣсколько времени. Но разразилась буря революціи, и я вступилъ въ службу новой республики. Моя Ноэми ободряла меня на новомъ поприщѣ. Но это было самоотверженіе съ ея стороны, самоотверженіе, которымъ она хотѣла вознаградить мою любовь. Я простился съ нею, не подумавъ объ ея положеніи; но мое заблужденіе продолжалось недолго: я скоро очутился въ темницѣ и тогда понялъ ничтожество своей мечты. Остальное вамъ извѣстно. Я лишился своей Ноэми. Три или четыре года послѣ ея несчастной смерти, я не зналъ, что со мною дѣлается; не помню даже, какія мысли занимали меня въ то время. Изъ этого оцѣпенѣнія меня вывела только шумная молва о побѣдахъ Наполеона. Я почувствовалъ, что моя жизнь можетъ еще пригодиться на что-нибудь. Я послѣдовалъ за этимъ великимъ человекомъ, какъ-будто по волѣ неодолимаго могущества; я повиновался ему, какъ закону судьбы. Вамъ странно слышать это отъ потомка графовъ фонъ-Эпштейновъ, но я не Конрадъ фонъ-Эпштейнъ; Конрадъ давно умеръ. Съ вами говоритъ французскій полковникъ, который отравленъ съ тайнымъ порученіемъ въ Вѣну.

— Теперь, Ионатанъ и Эверардъ, вы знаете все; сохраните эту тайну, заклинаю васъ; ни одного слова объ

томъ, что было между нами. Забудьте меня; особенно, скрывайте мое свиданіе съ вами отъ брата Максимилиана. Теперь прощайте, мои друзья. Увижусь ли я съ вами,—это извѣстно одному Богу. Но я предчувствую, что не въ послѣдній еще разъ я былъ въ замкѣ моихъ предковъ. До свиданія, Ионатанъ. А ты, Эверардъ, проводишь меня до Вормса; мнѣ надо еще переговорить съ тобою.

Эверардъ уѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ дядею.

XII.

Черезъ восемь дней, Эверардъ возвратился изъ Майнца въ свой любимый дѣсь. Но теперь новыя мысли волновали его душу; онъ не могъ дать себѣ отчета въ происшествіяхъ, случившихся въ одинъ мѣсяць. Отъѣздъ Ионатана, прибытіе Конрада, смерть Гаспара, возвращеніе Роземонды, рассказы дяди о первомъ посѣщеніи замка, за шесть мѣсяцевъ до смерти Альбины,—сколько случаевъ, сколько идей! Прошедшее прояснилось, будущее оставалось въ тѣни. Но исторія несчастной любви Конрада и Ноэми какъ-будто бросила искру свѣта и въ будущность Эверарда.

Эверардъ подумалъ объ Роземондѣ, и поблѣднѣлъ отъ этой мысли. Теперь онъ боялся увидѣться съ нею, и вмѣсто того, чтобы возвратиться въ домикъ егермейстера, онъ направилъ свои шаги къ замку. Поздно вечеромъ онъ дошелъ до калитки парка. Занятый своими мыслями, мечтатель не замѣчалъ необыкновеннаго движенія на дворѣ и въ корридорахъ, и, съ поникшею головою, медленно прошелъ въ свою комнату.

— Вотъ господинъ Эверардъ! сказалъ слуга, открывъ ему дверь.

Эверардъ вошелъ въ комнату, не понимая, къ чему былъ слѣманъ этотъ возгласъ. Какой-то незнакомый мужчина, высокаго роста, сидѣлъ въ креслахъ передъ пылающимъ каминомъ.

— А, да, вотъ господинъ Эверардъ! повторилъ незнакомецъ сардоническимъ голосомъ и всталъ съ своего мѣста.

— Да, это я! сказалъ Эверардъ, съ удивленіемъ

посмотрѣвъ на незнакомца, который расположился какъ дома, въ комнатѣ Альбины. Что вамъ угодно?

— Что угодно? Я хочу знать, откуда ты пришелъ, бродяга.

— Откуда мнѣ вздумалось, отвѣчалъ Эверардъ: кажется, я никому не долженъ отдавать отчета въ этомъ.

— Какая дерзость! произнесъ незнакомецъ, нахмуривъ брови. Знаете ли вы, государь мой, съ кѣмъ вы говорите?

— Сказать правду, рѣшительно не знаю, отвѣчалъ Эверардъ.

— Какъ, не знаете? Вы шутите, когда я спрашиваю васъ, забавляетесь, когда я обвиняю васъ.

— Конечно, потому-что я не знаю, какое вы имѣете право спрашивать и обвинять меня.

— Какое право? Вы глупецъ, государь мой! Я графъ Максимилианъ фонъ-Эпштейнъ... я... вашъ... отецъ.

— Вы графъ фонъ-Эпштейнъ! вы мой отецъ! въ оцѣпенѣніи вскричалъ Эверардъ.

— А! вы не узнали меня? Да, чудесное, совершенно сыновнее извиненіе.

— Простите графъ; но клянусь, что въ этой темнотѣ и съ перваго взгляда... кромѣ того, давно уже я не имѣлъ чести видѣть васъ.

— Молчать! закричалъ графъ, взбѣшенный этимъ оправданіемъ. Отвѣчайте, какъ слѣдуетъ покорному сыну.

Графъ остановился. Эверардъ, съ слезами на глазахъ, ожидалъ, что будетъ дальше. Графъ началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, бросая, по временамъ, суровый взглядъ на этого мальчика, котораго онъ ненавидѣлъ отъ всего сердца, потому-что не могъ простить ему угрызеній своей совѣсти. Наконецъ онъ остановился передъ Эверардомъ, скрестивъ руки.

— Отвѣчайте же! вскричалъ онъ.

— Я думалъ, что вы приказали мнѣ молчать, отвѣчалъ юноша.

— Я приказалъ? да. Но теперь я приказываю говорить. Откуда вы пришли? Для чего вы оставляете замок на цѣлыя недѣли? Уже пять дней, какъ я пріѣхалъ; я посылаю за вами, мнѣ говорятъ, что не

знаютъ, куда вы дѣвались, что послѣ похоронъ какого-то мужика, вы уѣхали съ какимъ-то бродягою.

— Графъ, это умеръ Гаспаръ и.....

— И вы, графъ фонъ-Эпштейнъ, провожали этого крестьянина до могилы,—чудесно! Но послѣ этой глупости, куда отирались вы? отвѣчайте... Но, клянусь всѣмъ святымъ... отвѣчайте же.

— Извините, графъ, отвѣчалъ Эверардъ: оставляя замок на нѣсколько дней или даже недѣль, я не беспокоилъ этимъ никого.

Въ этихъ простыхъ словахъ, графъ нашелъ дерзкій намекъ на забвеніе, въ которомъ онъ оставилъ своего сына.

— Перестанете ли вы оскорблять меня? вскричалъ взбѣшенный графъ. Вы не беспокоите никого, говорите вы; да стѣбитъ ли беспокоиться объ васъ? Достойны ли вы родительскаго дома, который вы унижаете своимъ поведеніемъ? Кто вы?

— Мнѣ сказывали, что я вашъ сынъ, сынъ графа Максимилиана фонъ-Эпштейна; а больше я не знаю ничего.

— Вамъ сказывали? повторилъ графъ, въ которомъ это слово пробудило всѣ подозрѣнія и весь гнѣвъ:— а! вамъ сказывали, что вы мой сынъ. Увѣрены ли вы, продолжалъ онъ, опершись кулакомъ на плечо Эверарда, увѣрены ли вы, что это не ложь?

— Графъ! съ негодованіемъ вскричалъ юноша: клянусь своею матерью, что лжете вы; вы клеветаете на мою мать.

— Презрѣнный мальчишка! вскричалъ графъ, который не въ силахъ былъ удержать своего гнѣва и ударилъ Эверарда.

Бѣдный юноша зашатался отъ этого удара. Максимилианъ испугался самъ себя и отступилъ назадъ. Настала минута ужаснаго безмолвія. Потомъ, Эверардъ, поблѣднѣвшій отъ этого оскорбленія, положилъ руку на стѣсненное сердце и, со слезами на глазахъ, произнесъ простыя, но вмѣстѣ и ужасныя слова:

— Берегитесь, графъ: я скажу объ этомъ моей матери.

XIII.

Эверардъ, въ какомъ-то безпамятствѣ, убѣжалъ въ замка. Онъ шелъ впередъ, самъ не зная куда; наконецъ онъ достигъ до своего любимого грота и, залившись слезами, упалъ на двѣтистый лугъ. Слезы облегчили его душу. Часа черезъ два, онъ былъ веселъ и беззаботенъ по прежнему. Но новая грусть сдвинула его сердце, когда онъ вспомнилъ о Роземондѣ; онъ опять заплакалъ, какъ дитя. Онъ любилъ Роземонду, и боялся увидѣться съ нею; отецъ презиралъ его; итакъ, и хижина и замокъ были заключены для него; оставалось одно убѣжище — его любимый гротъ, и одинъ другъ — тѣнь Альбины: пустыня и призракъ! Онъ плакалъ и призывалъ къ себѣ свою покровительницу, и слезы, мало-по-малу, уменьшили его горестъ; вскорѣ онъ могъ спокойно оглянуться кругомъ.

Ночь была тихая и ясная, звѣзды горѣли на небѣ, луна серебрила своимъ свѣтомъ ручей; соловей распѣвалъ веселья пѣсни; вездѣ была радость и любовь. Сердце Эверарда успокоилось совершенно.

— Матушка, говорилъ онъ, наслаждаясь восхитительнымъ зрѣлищемъ природы:—ты еще любишь меня. Я слышу твой ласковый голосъ въ этомъ журчаньи ручья, чувствую твоё дыханіе въ вѣвнн этого вѣтерка. Благодарю! Еще одно слово, еще одинъ поцѣлуй—и я усну спокойно, прибавилъ онъ, сомкнувъ глаза, и скоро предался сладкому сну.

Но такъ ли спокойно теперь спать въ замкѣ, какъ въ дѣсу?

Простыя слова: «я скажу это моей матерн» уничтожили графа. Эти слова заключали въ себѣ страшный смыслъ. Графъ поблѣднѣлъ отъ ужаса, схватилъ дрожащею рукою колокольчикъ, позвонилъ и упалъ въ кресла. На этотъ звонъ прибѣжали слуги.

— Развести огонь! зажечь свѣчи! закричалъ графъ: сейчасъ же, въ одну минуту!

Слуги повиновались; въ каминѣ запылало сильное пламя; шесть свѣчей освѣтили комнату.

— Засвѣтите еще люстру! закричалъ графъ. — А

ты, прибавилъ онъ, обратившись къ одному слугѣ: сейчасъ отыщи Эверарда и приведи его сюда.

При имени Эверарда, графъ вспомнилъ угрозу своего сына и затрепеталъ. Но, къ счастью, слуга воротился черезъ нѣсколько времени и сказалъ, что Эверарда не могли найти нигдѣ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Максимилианъ, позови ко мнѣ моего секретаря; мы станемъ работать съ нимъ.

Секретарь явился. Максимилианъ продержалъ его у себя до девяти часовъ. Въ это время доложили графу, что готовъ былъ ужинъ. Онъ оставилъ секретаря и ушелъ въ столовую, гдѣ дождался его Альбертъ. Графъ былъ такъ блѣденъ и встревоженъ, что Альбертъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и спросилъ, не случилось ли чего. Максимилианъ отвѣчалъ, что нѣтъ; потомъ сѣлъ за столъ. Ему пришла мысль, что вино можетъ разсѣять его страхъ, и онъ пилъ болѣе обыкновеннаго. Но вдругъ ему представилось, что, въ такомъ состоянн, скорѣе всего тревожное воображеніе можетъ напугать его призраками. Въ ту же минуту, онъ пересталъ ѣсть и впалъ въ такую задумчивость, что не слышалъ, какъ Альбертъ вышелъ изъ-за стола. Черезъ нѣсколько времени, онъ бросилъ кругомъ себя дикій взглядъ и, не замѣтивъ своего сына, тотчасъ удался въ свою комнату, гдѣ нашелъ своего секретаря за прежнюю работу.

— Вы ничего не слышали и не видѣли, Вильгельмъ? спросилъ графъ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ секретарь.

— А мнѣ показалось, что кто-то входилъ сюда.

Графъ началъ ходить большими шагами по комнатѣ; по временамъ, онъ останавливался передъ потаенною дверью и смотрѣлъ на нее съ невольнымъ ужасомъ.

— Вильгельмъ, снова началъ графъ: долго ли вы проработаете?

— Часа три или четыре, ваше сіятельство, отвѣчалъ секретарь.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы кончили все къ утру.

— Я могу взять работу въ свою комнату и окончить ее ночью.

— Нѣтъ, оканчивайте здѣсь, это будетъ лучше.

Секретарь поклонился, въ знакъ повиновенія, и при-

нялся за работу. Между-тѣмъ, Максимилианъ позволялъ слугу, приказавъ раздѣть себя и лечь въ постель. Неизвѣстно, долго ли онъ спалъ, какъ вдругъ пробудился отъ какого-то непонятнаго ужаса. Онъ приподнял голову; холодный потъ струился по его челу. Потомъ онъ замѣтилъ, что свѣчи гаснутъ одна за другою. Вильгельмъ, безъ сомнѣнн, утомленный работою, спалъ въ своихъ креслахъ. Графъ хотѣлъ закричать, но слова замирали на его устахъ; хотѣлъ встать, но какъ-будто невидимая рука придавила его къ постели. Между-тѣмъ, свѣчи погасли; въ комнатѣ воцарилась мрачная ночь. Почти въ ту же минуту, скрипнула дверь; графъ сомкнулъ глаза и завернулся въ одѣяло.

— Кто-то приближался къ его постели; по какому-то непреодолимому побужденію, онъ открылъ голову и украдкою посмотрѣлъ на безвѣстнаго посетителя. Наконецъ, кто-то отдернулъ занавѣсъ его кровати — и онъ узналъ тѣнь Альбины. Роковая посетительница явилась, на этотъ разъ, съ гнѣвнымъ видомъ и устремила свой строгій взоръ на Максимилиана.

— Максимилианъ! Максимилианъ! произнесла Альбина отрывистымъ голосомъ: ты забылъ мои слова. Ты ударилъ моего сына и нарушилъ мой могильный покой! Берегись, Максимилианъ, берегись! Сынъ будетъ проклинать тебя, мертвая накажетъ тебя. Ты слышишь меня въ послѣдній разъ; не забывай моихъ рѣчей. Слушай, Эверардъ твой сынъ, какъ и Альбертъ. Ты любишь Альберта и ненавидишь Эверарда; но я бодрствую надъ моимъ сыномъ. Удался отсюда, оставь замокъ, я позволяю тебѣ это; но именемъ Бога запрещаю тронуть хоть одинъ волосъ на головѣ моего сына; оставь его, не угрожай ему. Ты не хочешь быть ему отцемъ, не будь и палачемъ. Повинуйся; иначе ты погибнешь здѣсь, будешь осужденъ тамъ. Въ первый разъ, ты видѣлъ меня въ комнатѣ дитяти; теперь видишь здѣсь; но въ слѣдующій разъ, — подумай объ этомъ — ты встрѣтишься со мною въ подземельи, въ моей могилѣ. Теперь я возвращусь въ мое гранитное жилище. Завтра, какъ за четырнадцать лѣтъ назадъ, ты, быть-можетъ, опять скажешь: я бредилъ. Я хочу вывести тебя изъ этого заблужденія. Узнаешь ли ты эту цѣпочку, которая, двадцать лѣтъ тому, обвинала шею твоей невѣсты, и спустя четыре года, зарыта въ могилу вмѣстѣ съ бранными остатками твоей жены? Эту

цѣпочку, Максимилианъ, ты найдешь завтра на твоихъ плечахъ.

Съ этими словами, Альбина сняла съ себя цѣпочку и надѣла ее на шею Максимилиана, помертвѣвшаго отъ страха.

— Теперь, прибавила Альбина, я сказала все. Прощай, Максимилианъ; не забывай ничего.

Призракъ удался.

На другой день, съ первымъ мерцаніемъ зари, Максимилианъ проснулся или, лучше, вышелъ изъ своего оцѣпенѣнн. Онъ прикоснулся къ своей шеѣ и поблѣднѣлъ.

— Вильгельмъ! закричалъ онъ. Вильгельмъ!

— Что угодно вашему сіятельству? спросилъ испуганный секретарь, пробудившись отъ своего сна.

— Я хочу говорить съ егермейстеромъ Ионатаномъ; пошлите за нимъ сейчасъ.

— А это дѣло, робко спросилъ секретарь, прикажете докончить?

— Возьмите его съ собою.

Графъ всталъ съ постели и проворно одѣлся. Когда Ионатанъ вошелъ въ комнату, Максимилианъ былъ еще блѣденъ и страшенъ.

— Ионатанъ, сказалъ онъ, ты былъ при похоронахъ Альбины, видѣлъ, когда положили ее въ гробъ. Не обманывай меня; скажи, какъ она была ольта?

— Она была въ бѣломъ платьи, отвѣчалъ егермейстеръ, и была такъ же прекрасна, какъ и при жизни.

— Замѣтилъ ли ты что-нибудь на ея шеѣ?

— На ней была золотая цѣпочка.

— Не эта ли? Узнаешь ли ты ее?

— Да, если бы только она не была зарыта въ могилу.

Графъ сдѣлался блѣднѣе прежняго, надѣлъ цѣпочку на шею и отпустилъ Ионатана.

Черезъ четверть часа, Максимилианъ вмѣстѣ съ Альбертомъ оставили замокъ и отправились въ Вѣну.

XIV.

Солнце было уже высоко, какъ проснулся Эверардъ. Небо было чисто, только съ сѣвера медленно выливалось черное облако.

— Вот символ моей судьбы! сказал Эверардъ, взглянув на небо. Я счастливъ пока; но какое-то горе грозитъ мнѣ впереди. Куда мнѣ идти? Я не хочу жить въ замкѣ, гдѣ мой отецъ принималъ меня хуже нищаго; не хочу возвратиться и въ хижину, гдѣ я, не знаю почему, боюсь встрѣтиться съ Роземондою.

Эверардъ, въ задумчивости, опустил голову. Онъ не плакалъ; тысячи мыслей, тысячи плановъ толпились въ его умѣ.

— Мнѣ остается одно, сказалъ онъ наконецъ, съ твердою рѣшимостію вставъ съ своего мѣста: надо соединиться съ моимъ дядею Конрадомъ. Какъ это будетъ, не знаю; но Провидѣніе не оставитъ меня, моя мать будетъ мнѣ покровительницею; я слѣблю, что могу, а судьба приведетъ меня къ моей цѣли.

Не долго надо было собираться ему въ свою дорогу; будущность составляла все его богатство; ему стоило только взять палку и пуститься въ путь. Онъ сталъ на колѣни и съ сыновнею горячностію просилъ покровительства своей матери. Въ полдень, онъ вышелъ уже изъ любимаго эппштейнскаго лѣса и очутился на большой дорогѣ, которая вела къ Майнцу. Еще разъ онъ оглянулся назадъ, чтобы проститься съ родными мѣстами, и его взоръ упалъ на склонъ горы. Въ эту минуту показался, у опушки лѣса, егермейстеръ Ионатанъ; онъ пробирался по одной тропинкѣ и велъ въ поводу свою маленькую лошадку, на которой сидѣла улыбающаяся Роземонда. Нашъ путешественникъ растерялся; онъ не могъ двинуться съ мѣста, не могъ оторвать взгляда отъ своихъ друзей. Роземонда тотчасъ замѣтила Эверарда, и на ея личикѣ засвѣтилась искренняя радость. Она спрыгнула съ своей лошади и подбѣжала къ молодому человѣку, протянувъ ему руку.

— Ахъ, Эверардъ, какъ давно мы не видѣлись съ вами! Мы такъ беспокоились объ васъ. Но теперь мы опять вмѣстѣ! сказала дѣвушка.

Въ это время подошелъ къ своимъ дѣтямъ егермейстеръ.

— Наконецъ, нашъ путешественникъ возвратился! сказалъ Ионатанъ. Вы, Эверардъ, я думаю, и не знаете, что, въ ваше отсутствіе, графъ Максимилианъ, вашъ отецъ, посѣтилъ замокъ и непремѣнно хотѣлъ видѣть васъ; но не дождавшись этого, опять уѣхалъ въ Вѣну.

— Уѣхалъ? вскричалъ Эверардъ.

— Ну, да, уѣхалъ нынче утромъ; и надо признаться, на отъѣздѣ, не промолвилъ объ васъ ни слова.

— Уѣхалъ! повторялъ Эверардъ, уѣхалъ!

— Онъ уѣхалъ, но за то возвратились вы, сказала Роземонда.

Эверардъ взглянулъ на нее съ какимъ-то смущеніемъ; она потупила взоръ и улыбнулась.

— И такъ-какъ нашъ путешественникъ возвратился, прибавилъ Ионатанъ, то вы можете прогуливаться вмѣстѣ, если хотите. Уже восемь дней, Роземонда, я все гуляю съ тобою, да рассказываю тебѣ исторіи, а мое ружье все отдыхаетъ. Вы, Эверардъ, займете мое мѣсто и покажете Роземондѣ очаровательныя мѣста нашего лѣса; они знакомы вамъ больше, чѣмъ мнѣ. Быть-можетъ, вы еще не завтракали? Такъ, позавтракаете вмѣстѣ. Роземонда запаслась вѣдъ, что нужно. Теперь я оставляю васъ, мои друзья.

Егермейстеръ положилъ на плечо ружье и скрылся за деревьями. Роземонда и Эверардъ стояли нѣсколько времени молча. Наконецъ Роземонда прервала это безмолвіе.

— Теперь время завтракать, Эверардъ, сказала она. Сядемте на этой лужайкѣ, подъ тѣнью вѣтвистаго дуба. Во время нашего завтрака, мы будемъ наслаждаться концертомъ птицъ.

Эверардъ привязалъ къ одному дереву лошадь, между-тѣмъ-какъ Роземонда положила на траву всю провизію. Во время завтрака, юные друзья сначала едва могли перебросить нѣсколько словъ, но потомъ ихъ бесѣда оживилась взаимнымъ измѣненіемъ заветныхъ мыслей и чувствъ.

— Послѣ завтрака, сказала Роземонда, вы укажете мнѣ любимыя части этого лѣса, не правда ли, Эверардъ? Вы не соскучитесь быть моимъ товарищемъ?

— Мнѣ соскучиться! вскричалъ Эверардъ.

— Но вы не любите быть вмѣстѣ, удалитесь отъ меня, я замѣтила это, и мнѣ стало такъ грустно.

— Вамъ грустно, Роземонда!

— Да. Я всегда помнила прежніе дни, и мнѣ казалось, что въ этой пустынѣ, тихой и прекрасной какъ эдемъ, будетъ продолжаться сладкая дружба нашего

дѣтства. Я мечтала о какомъ-то романѣ въ родѣ *Павла и Виргиніи*, прибавила она, вспыхнувъ яркимъ румянцемъ.

Что это за романъ? спросилъ Эверардъ.

— Это прелестная книга Бернардена де-Сенъ-Пьера. Я мечтала о какомъ-то счастьи. Но я увидѣла, что все это было не болѣе, какъ самообольщеніе. Я протянула вамъ руку, какъ брату, а вы встрѣтили меня, какъ чужую. Я увѣрена, что это не гордость; бабочка всегда говоритъ, что у васъ самое благородное сердце. Отчего же происходитъ ваша холодность?

— О! это не холодность, съ живостію возразилъ Эверардъ: но, вы знаете, я дикарь, я воспитанникъ этихъ лѣсовъ, и ваше присутствіе смущаетъ меня, какъ явленіе неземнаго существа.

— Эверардъ, снова начала Роземонда, устранили подобныя мысли; я скажу вамъ откровенно, въ простотѣ моего сердца, что желаю видѣть въ васъ друга и товарища. Мы можемъ быть вмѣстѣ, для чего же намъ разлучаться? Священное воспоминаніе о нашихъ матеряхъ освящаетъ нашу взаимную привязанность. Я прошу васъ быть моимъ братомъ. Хотите ли вы?

— Хочу ли! О, я постараюсь заслужить вашу дружбу! Я краснѣю отъ воспоминанія, что встрѣтилъ васъ съ такимъ страхомъ, съ такою робостію.

— Эверардъ, ваши слова успокоили мое сердце. Теперь я знаю, почему вы избѣгали встрѣчи со мною...

— И даже хотѣлъ оставить навсегда замокъ и родную Германію, прибавилъ Эверардъ, если бы Провидѣніе не послало мнѣ васъ въ эту минуту.

— А теперь вы останетесь, съ радостію произнесла Роземонда. Но что съ вами? О чемъ вы думаете?

— Я думаю, отвѣчалъ юноша, что не одна робость, не одна дикость заставляли меня удалиться отсюда. Здѣсь былъ мой отецъ.... но онъ уѣхалъ. Было и еще...

— Что такое? съ безпокойствомъ спросила Роземонда.

Настало молчаніе. Эверардъ погружился въ размышленіе и съ задумчивымъ видомъ покачалъ головою.

— Роземонда! Роземонда! сказалъ онъ, какое-то очарованіе влечетъ меня къ вамъ, но внутренней го-

лось говорить мнѣ: бѣги! бѣги! Вы не понимаете меня? Но не судите обо мнѣ, какъ о другихъ; я живу особою жизнію. Видите, я говорю съ вами такъ довѣрчиво. Да, но съ этой довѣрчивостію смѣшивается какой-то страхъ; мое предчувствіе говоритъ мнѣ, что наша дружба доведетъ насъ до какого-то несчастія. Лучше было бы мнѣ удалиться отсюда, но я останусь здѣсь...

— Да, вы останетесь здѣсь, сказала Роземонда: и мы будемъ счастливы. Безъ васъ я умерла бы отъ скуки; но вдвоемъ мы станемъ сообщать другъ другу наши мысли и чувства, станемъ вмѣстѣ читать, учиться. Васъ, кажется, удивляютъ мои слова; вы считаете меня глупою дѣвочкою, да? Но вы ошибаетесь; я знаю многое и могу понимать васъ. Признаюсь, я не занималась ни латинскимъ, ни греческимъ языкомъ, какъ вы, и особенно не любила математики.

— Роземонда! Роземонда! а я рѣшительно не знаю ничего, со вздохомъ произнесъ печальный юноша.

— Что вы говорите?

— Да. Ваша мать и капелланъ учили меня читать и писать; но они умерли и я остался одинъ; моимъ учителемъ была природа! Теперь я краснѣю отъ своего невѣжества.

— Возможно ли это? вскричала Роземонда. Я оскорбила васъ неволью, простите меня.

— Нѣтъ, вы не оскорбили меня, Роземонда. Но вы теперь видите, что я далекъ отъ васъ по образованію; моя бесѣда будетъ вамъ въ тягость; я долженъ оставить васъ.

— Эверардъ, сказала Роземонда серьезнымъ тономъ: вы останетесь здѣсь; мы можемъ быть полезны другъ другу. Для васъ открыты тайны природы; вы посвятите и меня въ эти священные таинства. Я получила нѣкоторое образованіе, благодаря покровительству графини Альбины, и вы не откажете мнѣ въ удовольствіи подѣлиться небольшими познаніями съ сыномъ моей покровительницы. Согласны ли вы?

— Теперь уже поздно, Роземонда, слишкомъ поздно.

— Боже мой! вы думаете, что учиться такъ трудно? Напротивъ, очень пріятно, Эверардъ. Книжки доставятъ вамъ столько же удовольствія, какъ прекрасный майскій вечеръ. Въ исторіи, какъ и въ природѣ, вы увидите руку всемогущаго Бога; а въ летописяхъ

Германцъ, вы найдете лѣтописи вашей фамилии, встрѣтите имя вашихъ предковъ, имя фонъ-Эппштейновъ.

— Моихъ предковъ? прервалъ Эверардъ съ горькою меланхоліею: вы ошибаетесь, Роземонда. Отецъ отрекся отъ меня! Къ чему теперь учиться? Чтобы яснѣ видѣть свое униженіе? Для моей жизни довольно и того, что я знаю. Моя наставница — моя мать. Вы не понимаете меня; со временемъ я открою вамъ такія тайны, которыя поразятъ васъ удивленіемъ и ужасомъ. Повторю вамъ, что я живу какою-то особою, загадочною жизнью. Богъ назначилъ мнѣ странную судьбу, и я покоряюсь ей. Къ чему, спрашиваю васъ, послужить мнѣ человѣческое знаніе?

Подобные споры и разсужденія молодыхъ людей продолжались и во время прогулки въ эппштейнскомъ лѣсу. Друзья не замѣчали, какъ летѣли часы, и не торопились домой, гдѣ ожидала ихъ одна важная новость.

— Давно, давно пора! сказалъ Ионатанъ, когда Эверардъ и Роземонда возвратились домой и вошли въ комнату. Эверардъ, я получилъ письмо отъ вашего отца, изъ Франкфурта. Прочтайте его; дѣло идетъ объ васъ.

Эверардъ дрожащею рукою взялъ письмо и прочиталъ. Максимилианъ писалъ къ Ионатану, что онъ навсегда останется въ Вѣнѣ и что съ-этихъ-поръ не увидятъ его болѣе въ замкѣ.

«Скажите моему сыну, Эверарду, прибавилъ онъ, что я отдаю въ его распоряженіе замокъ и четвертую часть доходовъ. Эверардъ не долженъ оставлять замка; я запрещаю ему видѣться со мною. Съ этимъ только условіемъ, я позволяю ему быть хозяиномъ въ моихъ владѣніяхъ. Я сдѣлаю все, что онъ захочетъ, лишь бы онъ не являлся тамъ, гдѣ буду я. Я не буду требовать отъ него никакого отчета, но и онъ не долженъ вмѣшиваться въ мои дѣла. Для взаимнаго счастья, мы будемъ чужды другъ другу. Вотъ моя воля, и горе ему, если онъ ослушается меня».

Прочитавъ это письмо, Эверардъ опустилъ голову на грудь; казалось, онъ былъ вмѣстѣ и веселъ и печаленъ.

— Что съ вами? спросила Роземонда.

— Роземонда, сказалъ онъ: Богу угодно, чтобы я остался здѣсь.

XV.

Спустя три года послѣ смерти Гаспара, въ одно меланхолическое, сентябрьское утро, у опушки эппштейнскаго лѣса, тамъ, гдѣ развѣтывался свѣжій зеленѣющій лугъ, сидѣлъ, на дерновой скамьѣ, молодой человѣкъ, который держалъ на колѣняхъ бумагу и рисовалъ на ней краѣ одного стараго дуба.

Онъ часто прерывалъ свою работу, устремляя безпокойный взоръ въ ту сторону, гдѣ разстилалась лужайка. Казалось, онъ ожидалъ кого-то, но ни никто не являлся.

Прошло около часа, какъ на одномъ концѣ луга, показалась молодая дѣвушка. Художникъ всталъ съ своего мѣста и пошелъ къ ней на встрѣчу. Художникъ былъ Эверардъ; дѣвушка—Роземонда. Эверардъ былъ одѣтъ въ простой и живописный костюмъ; въ его пріятномъ лицѣ выражалась глубокая грусть.

— Здравствуй, Эверардъ, сказала Роземонда, и они вмѣстѣ сѣли на дерновую скамью.

— Вотъ, Роземонда, сказалъ Эверардъ, показывая ей свою работу: я окончилъ этотъ рисунокъ, и, благодаря вашимъ вчерашнимъ совѣтамъ, онъ вышелъ очень не дуренъ.

— Хорошо; но тѣнь этой вѣтви придама бы болѣе эффекта, замѣтила дѣвушка и сдѣлала карандашомъ нѣсколько поправокъ.

— Какъ вы добры, Роземонда, какъ вы снисходительны къ вашему безпомятому ученику! сказалъ Эверардъ, поцѣловавъ ея руку.

— Какой вы ребенокъ, проговорила дѣвушка. Я могу гордиться, что возвращаю германскому дворянству одного изъ историческихъ его представителей, который былъ обреченъ на низкую долю. Сколько успѣховъ въ три года! Теперь что будутъ значить передъ вами всѣ мотыльки вѣнскаго двора?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Эверардъ, не отъ наукъ я ожидаю своего счастья, Роземонда; къ чему крылья орлу, заключенному въ клеткѣ? Съ-тѣхъ-поръ, какъ я сталъ мыслить, я глубже чувствую тяжесть своей судьбы; и если бы я не находилъ отрады въ вашемъ присут-

ствіи, я упрекнулъ бы васъ за ваши уроки. Быть-можетъ, настанетъ время, и мы будемъ оплакивать этотъ роковой даръ, который я получилъ отъ васъ.

— О! я никогда не буду раскаиваться въ томъ, что возвратила отечеству потомка одной изъ знаменитыхъ германскихъ фамилій.

— Я сынъ, забытый отцомъ! сказалъ Эверардъ, грустно покачивая головою. Я никогда не буду знаменитымъ полководцемъ, какъ мой дѣдъ, Родольфъ; мнѣ суждено быть героемъ развѣ какой-нибудь страшной легенды.

— Эверардъ, сказала Роземонда, у васъ опять грустные идеи!

— Что дѣлать! Я чувствую, что моя странная, загадочная судьба соединена съ другимъ міромъ. Я тѣнь, призракъ, а не человѣкъ.

Эверардъ погружился въ размышленіе.

— Окончили ли вы исторію тридцати-лѣтней войны? спросила Роземонда, прерывая тягостное молчаніе.

— Да. Благодарю васъ, Роземонда: вы раскрыли передо мною лѣтописи минувшихъ временъ, ввели меня въ неизвѣстный мнѣ міръ, и теперь моя жизнь какъ-будто стала полнѣе. Роземонда, когда я произношу свои горькія жалобы на судьбу, не слушайте меня; я несправедливъ къ вамъ. Но, вѣрите, въ глубинѣ сердца я люблю васъ какъ сестру, и почитаю какъ свою мать.

— Эверардъ, сказала Роземонда, принявъ серьезный тонъ: я знаю ваше прекрасное сердце, но порицаю ваши печальныя идеи. Почему вы вѣрите въ судьбу, а не вѣрите въ Провидѣніе? Вамъ не доставало умственного образованія; но Провидѣнію угодно было избрать меня вашей наставницею, — и я исполнила свой долгъ. Къ чему же теперь ваше сомнѣніе, ваша грусть?

— О! я буду веселъ, Роземонда, покуда вы будете здѣсь.

Молодые люди подали другъ другу руки и вмѣстѣ пошли въ домикъ егермейстера.

Изъ этого разговора Эверарда съ Роземондою, можно видѣть, какъ протекала уединенная ихъ жизнь въ продолженіе трехъ лѣтъ. Пустынный эппштейнскаго лѣса и монастырская пансіонерка, дѣлились другъ съ другомъ своими завѣтными мыслями и чувствами. Одна только тайна оставалась въ душѣ Эве-

рарда—его загадочныя видѣнія. Эверардъ какъ-будто боялся пзмѣнить жительницѣ священной могилы, и только вполонцу открывалъ Роземондѣ таинственныя явленія Альбины. Но вѣроятно, тѣнь умершей матери, бесѣдовавшая съ Эверардомъ таинственнымъ языкомъ природы, въ это время смущала его сердце если не упреками, по-крайней-мѣрѣ, какими-нибудь жалобами. Мечтатель выходилъ изъ своего грота часто въ глубокой меланхолии и, встрѣтившись съ Роземондою, заливался горькими слезами и печально намекалъ на свою страшную будущность. Въ такіе дни не утѣшали его и рѣчи Роземонды, которая, съ своей стороны, съ нѣжнымъ участіемъ сестры, заботилась объ образованіи этого дикаря. Исторія, географія, рисованье, музыка, языки французскій и англійскій,—все это было теперь знакомо Эверарду.

Ничего нѣтъ проще, какъ разсказать исторію Эверарда и Роземонды въ послѣдніе три года. Ихъ жизнь была однообразна; что было вчера, то повторялось на другой день. Утромъ Эверардъ оставлялъ красную комнату, которая была любимымъ и единственнымъ его пріютомъ въ замкѣ, сходилъ въ подземелье и молился на могилѣ своей матери. Послѣ молитвы, онъ оправлялся въ домъ Ионатана, гдѣ ожидала его юная наставница. Молодые друзья проводили время въ занятіяхъ и прогулкахъ. Вечеръ обыкновенно посвящался семейнымъ удовольствіямъ; зимой, всѣ садились возлѣ пылающаго камина, а лѣтомъ, собирались у воротъ хижины и любовались заходящимъ солнцемъ, либо мерцаніемъ загорающихся звѣздъ. Ионатанъ или Роземонда иногда разсказывали какую-нибудь чудесную легенду. Иногда Роземонда играла на клависинѣ, или вмѣстѣ съ Эверардомъ читала какую-нибудь книгу.

Самая нѣжная привязанность соединяла эти два юныя сердца. Эверардъ и Роземонда давно уже любили другъ друга; но слово «люблю» никогда не вырывалось изъ ихъ устъ. Надо было ожидать какого-нибудь случая, который открылъ бы имъ самимъ эти завѣтныя чувства. Этотъ случай скоро представился.

XVI.

Въ одинъ день, въ концѣ декабря, егермейстеръ, возвратившись съ охоты, нашелъ въ своемъ домѣ письмо. Это письмо было отъ Конрада, отъ котораго уже три года не приходило никакихъ вѣстій. Конрадъ не говорилъ ничего о своей службѣ, но объявлялъ скоро увидѣться съ своими друзьями. Это вѣстие обрадовало добряка егермейстера.

— Добрый, благородный Конрадъ! сказалъ онъ, прочитавъ письмо: онъ не забылъ насъ. За обѣдомъ выпьемъ за его здоровье.

Ионатанъ сдержалъ свое слово и выпилъ нѣсколько лишнихъ рюмокъ за здоровье Конрада; его сердце развеселилось, языкъ развязался. Послѣ обѣда Ионатанъ сѣлъ въ большія кожаныя кресла; молодые люди заняли мѣсто насупротивъ его, на простой скамьѣ. Погода была пасмурная, снѣгъ падалъ большими ключьями; въ комнатѣ егермейстера рѣзвый огонекъ трещалъ въ каминѣ. Понятно, что предметомъ разговора былъ Конрадъ. Ионатанъ зналъ Конрада съ самаго дѣтства и рассказывалъ про его молодость, про его уединенныя прогулки и мечтательность; наконецъ зашла рѣчь и объ томъ времени, когда молодой графъ фонъ-Эппштейнъ сдѣлался привычнымъ гостемъ старика Гаспара и наконецъ мужемъ Ноэми. При началѣ этого разказа, молодые люди удвоили свое вниманіе. Комната была освѣщена огонькомъ, пылавшимъ въ каминѣ, и этотъ свѣтъ упалъ лишь на егермейстера, тогда-какъ Эверардъ и Роземонда оставались въ тѣни.

— Вотъ какъ я замѣтилъ, что Конрадъ любитъ Ноэми, говорилъ егермейстеръ, увлекаясь воспоминаніями о быломъ. По какому-то непостижимому случаю, они всегда встрѣчались другъ съ другомъ. Куда ни пойдетъ Ноэми, на дорогѣ какъ-разъ появится и Конрадъ, то съ ружьемъ за плечемъ, то съ книгою въ рукѣ; подойдетъ къ ней какъ-будто мимоходомъ и заведетъ разговоръ. И нашей Ноэми бывало не сидится дома; то въ лѣсъ, то куда-нибудь къ сосѣдамъ, — все надо идти непременно, и Конрадъ какъ тугъ идетъ по ея

слѣдамъ. Я былъ тогда еще молодъ, и, на мои глаза, клянусь, это казалось не съ-проста.

Эверардъ и Роземонда невольно подумали о себѣ. И они, какъ-будто покаяясь какой-нибудь магнитной силѣ, часто встрѣчались на одной тропинкѣ, не объясняя себѣ, какъ и почему это случалось.

— Я помню еще одинъ день, продолжалъ Ионатанъ, тотъ день, какъ собака Гаспара заѣла ручнаго жаворонка Ноэми. Ноэми принялась плакать: страхъ какъ любила она своего жарованка, который порхалъ лѣтомъ на свободѣ въ лѣсу, но, слышавъ голосъ своей воспитательницы, подлеталъ къ ней и на ея рукѣ распѣвалъ мелодическія пѣсни. Конрадъ узналъ несчастіе Ноэми и, не говоря ни слова, ушелъ въ лѣсъ; онъ возвратился вечеромъ, въ изорванномъ платьѣ и съ окровавленными руками, и подалъ безутѣшной Ноэми пять маленькихъ пташекъ. Ноэми чуть не прыгала отъ радости.

Въ эту минуту руки молодыхъ людей встрѣтились и соединились, по какому-то невольному движенію. Роземонда вспомнила одну неожиданную услугу Эверарда. Разъ какъ-то она начертила на бумагѣ планъ маленькаго садика, который она обрабатывала своими руками, въ монастырѣ Священной-Липы. Она съ сожалѣніемъ вспоминала объ этомъ садикѣ, усаженномъ кустами бѣлыхъ розъ, смородиною и разными цвѣтами. На другой день, прогуливаясь въ саду Ионатана, она вскрикнула отъ радости и удивленія: въ одномъ углу, разцвѣлъ точь-въ-точь такой же садикъ, какой она оставила въ монастырѣ. Разказъ о жаворонкѣ напомнилъ Роземондѣ этотъ случай, и она пожала руку Эверарда, какъ-будто благодаря его за удовольствіе, доставленное ей въ тотъ день.

— Они были невинны, словно Божія дѣти, продолжалъ Ионатанъ, и я не вижу въ томъ грѣха, что они полюбили другъ друга. Я сватался въ то время за мою добрую Вильгельмину, и понималъ ихъ лучше, чѣмъ они сами. Случилось, что Ноэми захворала, хоть, благодаря Бога, не опасно, но должна была просидѣть въ своей комнатѣ нѣсколько дней. Конрадъ тоже пригорюнился. Встрѣтишь, бывало, его въ лѣсу, онъ бродитъ такой мрачный и угрюмый. Я понималъ, въ чемъ дѣло, потому-что и я не могъ видѣться въ это время съ Вильгельминою.

Эверардъ и Роземонда, съ своей стороны, также

поняли загадочную грусть, которая стѣсняла ихъ сердце, если какой-нибудь случай разлучалъ ихъ на нѣсколько дней.

— Какъ же они открылись въ своихъ чувствахъ? спросилъ Эверардъ дрожащимъ голосомъ.

— Любовь не имѣетъ нужды въ словахъ, отвѣчалъ Ионатанъ. Въ одинъ день они сидѣли у воротъ нашего дома и, кажется, читали какую-то книгу; они были такъ близко другъ къ другу, что одинъ упиался дыханіемъ другаго; вдругъ, не знаю, какъ это случилось, ихъ уста слились вмѣстѣ, и тогда безъ словъ объяснилось все: они любили другъ друга.

Между-тѣмъ, какъ Ионатанъ рассказывалъ это въ простотѣ своего сердца, Эверардъ и Роземонда невольно приближались другъ къ другу; ихъ дыханіе сливалось, трепетныя уста приближались и вдругъ, по какому-то неодолимому очарованію, соединились вмѣстѣ. Этотъ первый поцѣлуй любви продолжался не долѣе, какъ сверканіе молніи; Эверардъ и Роземонда испугались самихъ себя и быстро отдалились другъ отъ друга.

— Ну, дѣти, сказалъ егермейстеръ, какъ-будто нарочно окончивъ въ эту минуту свой разказъ: огонь гаснетъ, пора намъ разстаться.

Голосъ Ионатана вывелъ молодыхъ людей изъ упоенія. Всѣ трое встали съ своихъ мѣстъ и, перемѣтившись нѣсколькими словами, разстались. Теперь Эверардъ и Роземонда поняли, какія чувства таились въ ихъ сердцахъ.

XVII.

На другой день Эверардъ и Роземонда встрѣтились въ гротѣ. Нѣтъ нужды говорить, что, разставшись послѣ вечерняго свиданія, ни тотъ, ни другая не могли сомкнуть глазъ цѣлую ночь. Эверардъ провелъ эту ночь въ какомъ-то бреду и упоеніи. Онъ любилъ и былъ любимъ! Ему открылась новая жизнь; тысяча сладкихъ воспоминаній явились въ новомъ свѣтѣ, тысяча радостныхъ надеждъ заблестали въ будущности. Теперь онъ не будетъ болѣе грустить. Если горькая участь суждена ему въ жизни, что до этого? Теперь,

возлѣ него было другое существо, въ которомъ онъ найдетъ сладкое, утѣшительное сочувствіе. Радость играла въ его сердцѣ и блистала въ его глазахъ, когда онъ увидѣлся съ Роземондою.

Но Роземонда была задумчива и печальна. Она не могла простить себѣ, что уступала неодолимому влеченію сердца. Не грозитъ ли это новымъ несчастіемъ Эверарду? Не подвергнется ли онъ новому гнѣву своего отца? И этимъ-то она должна заплатить Альбинѣ за ея покровительство? Примѣръ Конрада и Ноэми былъ въ ея глазахъ. Изгнаніе, отчаяніе, смерть—вотъ до чего довела эта святая любовь ея тетку. Эти мысли волновали ея душу.

Эверардъ, какъ-скоро замѣтилъ Роземонду, которую онъ ожидалъ въ гротѣ, тотчасъ бросился къ ней на встрѣчу.

— Роземонда! вскричалъ онъ, наконецъ вы здѣсь? Боже мой! у меня нѣтъ силъ говорить; но выслушайте меня, Роземонда, позволь мнѣ сказать одно слово: я люблю тебя! Еще слово: Роземонда, любите ли меня вы?

Онъ упалъ на колѣни, устремивъ на Роземонду взоръ, искрившійся восторгомъ.

— Эверардъ, мой другъ и братъ, сказала дѣвушка, съ какою-то холодностію: встаньте, поговоримъ по-братски, какъ и всегда. Вчера мы безмолвно высказали нашу тайну, и я не стану скрывать своихъ чувствъ: я люблю васъ, какъ вы любите меня, Эверардъ. Да, повторю вамъ эти слова, которыя очаровываютъ мою душу: я люблю васъ, какъ Ноэми любила Конрада; но подумайте о Ноэми и вспомните Конрада. Не разъ вы говорили, что, на горизонтѣ вашей жизни, грозитъ вамъ какое-то страшное несчастіе. Эверардъ, я чувствую, что я буду виновницею вашего несчастія; но я не переживу этого.... Теперь, остается одно: надо забыть нашу опасную мечту.

— То есть, отречься отъ жизни, возразилъ Эверардъ. Да, эта мечта — моя жизнь. Нѣтъ, Роземонда, ни что въ свѣтѣ не можетъ разлучить насъ.

— Кто говоритъ о разлукѣ? сказала Роземонда. Мы можемъ остаться вмѣстѣ, съ условіемъ, чтобы жить по-прежнему, по-братски, съ условіемъ, Эверардъ, чтобы мой братъ былъ защитою и опорою для меня. Если вы согласны на это, много еще счастливыхъ дней будетъ въ нашей жизни; призна-

юся, дорого стоило бы моему сердцу вдругъ отречься отъ вашей искренней дружбы. Но если мы съ самоотверженіемъ и твердостью будемъ сохранять свой долгъ, Богъ поможетъ намъ; будущее въ его десницѣхъ.

— Выслушайте, Роземонда, сказалъ Эверардъ, понявшій тайную причину самоотверженія дѣвушки: мой отецъ отказался отъ меня; я свободно могу располагать своею жизнію, и эту жизнь я посвящаю вамъ. И это воля Божія; онъ даетъ мнѣ право располагать собою, потому-что онъ допустилъ моего отца бросить меня, какъ непріятнаго сироту.

— Эверардъ, повторяю вамъ, вспомните Ноэми....

— Ноэми умерла на эшафотѣ?... Но нашъ союзъ не будетъ тайною, нашъ бракъ совершится въ замкѣ, и я не скрою этого даже отъ своего отца. Теперь я знаю нѣсколько людей, и могу разгадать планы и чувства графа Максимиліана. Если бы я сталъ искать славы, если бы я явился ко двору, чтобы приобрести милость императора, тогда мой отецъ проклялъ бы меня. Но если я изберу безвѣстную жизнь въ уединенномъ замкѣ, если откажусь отъ славы и почестей, захочу унижить себя, какъ сказалъ бы мой отецъ, неровнымъ бракомъ; это нисколько не оскорбитъ его; напротивъ, онъ будетъ радъ этому случаю, чтобы прервать всякую связь со мною и предоставить всѣ свои права и свою славу старшему сыну, Альберту; тогда онъ будетъ имѣть законное основаніе отказаться отъ меня, какъ графъ Родольфъ отказался отъ своего Конрада. Но намъ не нужно будетъ оставлять замка и отечества; мой отецъ навсегда поселился въ Вѣнѣ, а мы будемъ жить здѣсь, въ домѣ вашего отца, будемъ жить въ безвѣстности, то есть, спокойно и счастливо. Да, Роземонда, не наследникъ дома Эпштейновъ предлагаетъ вамъ свою руку, но безвѣстный, бѣдный изгнанникъ, который ждетъ своего счастья только отъ васъ. И ужели вы откажете въ этомъ вашему брату и другу?

— Эверардъ! Эверардъ! отвѣчала Роземонда трепещущимъ голосомъ: вы, словно ребенокъ, мечтаете теперь о счастіи, точно такъ же, какъ прежде мучили себя предчувствіемъ горестной будущности. Мечтатель! вы не знаете, что здѣсь лучше не мечтать?

— Роземонда! вскричалъ Эверардъ, я вѣрю, что вы отвертаете это несчастіе, которое я предвидѣлъ въ своей будущности. Но если вы отвергнете меня, я стану думать, что вы побоялись раздѣлить со мною горькій даръ, назначенный мнѣ судьбою.

— Не говорите этого, съ живостью возразила Роземонда: я боюсь сдѣлаться причиною вашихъ несчастій; но раздѣлить ихъ съ вами, клянусь вамъ, — будетъ для меня истинною радостію.

— Въ такомъ случаѣ, будьте подругою моей жизни, Роземонда; послѣ этого пусть будетъ, что угодно судьбѣ. Что мнѣ до будущаго, если вы дадите мнѣ хоть одинъ день блаженства?

Эверардъ говорилъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ краснорѣчіемъ, что Роземонда невольно покорялась ему, какъ очарованная. Она оглянулась кругомъ на эти мѣста, гдѣ провела столько тихихъ и счастливыхъ часовъ вмѣстѣ съ Эверардомъ, и въ ея сердцѣ проснулись непонятныя, таинственныя чувства. Но минута размышленія, и она почувствовала новыя силы; къ ней возвратились прежнія мысли и прежняя твердость.

— Братъ! сказала она рѣшительнымъ тономъ; мы не должны рѣшать своей судьбы въ одну минуту. Будемъ хладнокровны и спокойно взглянемъ на нашу будущность, на тотъ путь, по которому мы рѣшаемся идти.

— Такъ вы не любите меня! вскричалъ Эверардъ.

— Богъ свидѣтель, что я люблю васъ отъ всего сердца. Клянусь вамъ, что если я не буду принадлежать вамъ, я не буду принадлежать никому въ мірѣ, кромѣ Бога. Но выслушайте меня. Мнѣ кажется, что судьба отмститъ намъ, если мы предадимся нашей радости безъ всякаго испытанія; меня учили предоставлять всѣ дѣла волѣ одного Бога. Я требую отъ васъ терпѣнія. Быть-можетъ, я уже сдѣлала преступленіе, что позволила себѣ забыть это правило и увлеклась химерическими надеждами; быть-можетъ, я оскорбила этимъ память нашихъ матерей.

— О! моя мать благословляетъ васъ, Роземонда, за своего сына, которому вы даете новую, радостную жизнь. И вотъ, Роземонда, отъ ея имени, — да освятить это имя мою мысль и дѣйствіе, — отъ ея имени, примите это кольцо, которое принадлежа-

ло ей; возьмите его, изъ любви къ ней и ко мнѣ, пусть это будетъ обручальнымъ кольцомъ.

— Вы хотите этого, Эверардъ?

— Я прошу объ этомъ.

— Я принимаю. Но выслушайте мои условія. Съ этихъ-поръ мы будемъ жить какъ братъ съ сестрою; никогда ни одного слова о любви не будетъ сказано между нами, и мы съ спокойствіемъ и довѣренностію будемъ ожидать всего отъ времени и отъ Провидѣнія.

— Но будетъ ли когда-нибудь конецъ этому жестокому, страдальческому испытанію? спросилъ Эверардъ.

— Черезъ два года. Въ тотъ день, какъ исполнится намъ обоимъ двадцать лѣтъ, вы откроете свое намѣреніе вашему отцу, и тогда увидимъ, что будетъ.

— Черезъ два года! Боже мой, два года! повторялъ Эверардъ съ меланхолическимъ видомъ.

— Да, мой братъ, сказала Роземонда, съ этой минутой я буду вашей невѣстой въ своемъ сердцѣ, но на словахъ я буду вашей сестрою.

(Окончаніе въ будущемъ номерѣ).

Науки и Художества.

ЭКСПЕДИЦІЯ

ПОДПОРУЧИКА ПАХТУСОВА

ДЛЯ ОПИСИ ВОСТОЧНАГО БЕРЕГА

НОВОЙ-ЗЕМЛИ,

въ 1832 и 1833 годахъ.

Исторія русскаго мореходства представляетъ много примѣровъ необыкновеннаго самоотверженія, присутствія духа и рвенія со стороны лицъ, занимавшихся изслѣдованіемъ полярныхъ странъ нашего отечества. Имена и подвиги многихъ изъ этихъ труженниковъ, которыми Русь по справедливости можетъ гордиться, къ сожалѣнію, еще мало извѣстны нашей публикѣ.

№ 7

Имена Росса, Парри, Скорезби знакомы всякому; но многіе ли слышали о *Пахтусовѣ* и *Циволькѣ*, которые въ долговременныхъ и тяжелыхъ трудахъ на пользу науки положили свой животъ и стяжали себѣ безсмертное имя въ исторіи просвѣщенія Россіи, и которые, конечно, заслуживаютъ того, чтобы ихъ зналъ и помнилъ всякой Русской. За границей имена этихъ путешественниковъ еще болѣе нежели у насъ извѣстны, благодаря почтенному академику Бэру, который первый описалъ ихъ поѣздки и обработалъ ихъ важныя и чрезвычайно полезныя метеорологическія наблюденія. Сынъ Отечества считаетъ пріятною обязанностію познакомить своихъ читателей съ этими заслуженными людьми и заимствуетъ рассказъ о первой поѣздкѣ Пахтусова на Новую-Землю изъ дневника этого офицера, напечатаннаго въ первой части «Записокъ Гидрографическаго Департамента.» Дневникъ этотъ, вышедшій въ прошломъ году, несмотря на свою занимательность, оставался до-сихъ-поръ неизвѣстнымъ болѣе части публики, именно потому, что помѣщенъ въ книгѣ, которая имѣетъ цѣль совершенно специальную и, которая, слѣдовательно, не многимъ доступна.

Новая-Земля открыта русскими промышленниками, вѣроятно, еще въ началѣ XVI столѣтія; но въ географическомъ отношеніи впервые осмотрѣна Голландцами и Англичанами, которые въ XVI и XVII столѣтіяхъ искали сѣверо-восточнаго пути въ Индію. Эти мореплаватели доставили Европѣ первыя извѣстія о сѣверномъ берегу Россіи и о Новой-Землѣ, и хотя они осмотрѣли только западную сторону послѣдней, однако жъ описанія ихъ и рассказы нашихъ промышленниковъ были до позднѣйшаго времени единственными источниками нашихъ свѣдѣній о берегахъ этого обширнаго острова. Въ исходѣ XVII столѣтія прекратились поиски сѣверовосточнаго пути, и съ того времени, въ теченіе цѣлаго столѣтія, Новая-Земля не была посѣщаемая образованными мореходцами. Экспедиціи наши, посылаемыя въ царствованіе Императрицы Анны Иоанновны для описи Сибирскаго берега, не касались Новой-Земли. Штурманъ Розмысловъ, описавъ въ 1768 и 1769 годахъ Маточкинъ-Шаръ и небольшую часть восточнаго берега къ сѣверу отъ этого пролива, положилъ основаніе гидрографическимъ изслѣдованіямъ Русскихъ на Новой-Землѣ. Штур-

34

манъ Поспѣловъ, въ 1807, и лейтенантъ Лазаревъ, въ 1819, осмотрѣли юго-западный берегъ Новой-Земли. Наконецъ, съ 1821 по 1825 годъ, въ одну изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ нашей гидрографіи, капитанъ Литке описалъ весь западный берегъ отъ Карскихъ Воротъ до мыса Нассавскаго; но будучи задержанъ огромными сплошными массами льда и другими препятствіями, не могъ обойти Новую-Землю и описать восточный ея берегъ, который былъ извѣстенъ только по рассказамъ кормщика Лошкина, оплывшаго весь островъ около 1750 года.

Въ февралѣ 1828 года, Корпуса Штурмановъ поручикъ Бережныхъ,—тотъ самый, который сперва сопутствовалъ лейтенанту Анжу при описи берега Сибири съ 1820 по 1824 годъ, а потомъ, въ 1826 самъ начальствовалъ надъ партіею при описи Тиманскаго берега отъ рѣки Печоры къ западу, — подалъ въ Гидрографическое Депо проектъ описанія восточнаго берега Новой-Земли на оленяхъ.

Этотъ проектъ препровожденъ былъ отъ г. генералъ-гидрографа къ главному командиру и военному губернатору въ Архангельскѣ, вице-адмиралу Мвицкому, чтобы, по сношеніи съ жителями Пустозерска, удостовѣриться въ удобоисполнимости предложеній Г. Бережныхъ, касательно доставленія на Новую-Землю оленей и прокормленія ихъ тамъ. Переписка длилась до исхода 1829 года. Въ это время поступилъ къ генералъ-гидрографу другой проектъ, о томъ же предметѣ отъ прапорщика корпуса флотскихъ штурмановъ Пахтусова, бывшаго нѣсколько лѣтъ при описи рѣки Печоры, Тиманскаго берега и Бѣлаго моря.

Во время четырехъ-лѣтняго пребыванія своего при описи рѣки Печоры и берега Сѣвернаго Океана, отъ мыса Канина до острова Вайчага, подъ начальствомъ штабъ-капитана Иванова и полпоручика Бережныхъ, Пахтусовъ черезъ разспросы у тамошнихъ промышленниковъ узналъ, что въ нѣкоторые годы Карское море бываетъ довольно свободно отъ льда, а иногда и вовсе безледно. Это подало ему надежду на возможность обойти съ восточной стороны Новой-Земли, и въ одно лѣто описать по-крайней-мѣрѣ южную ея часть.

«Если описаніе этого берега, до нынѣ намъ вовсе неизвѣстнаго, признано будетъ полезнымъ, говоритъ онъ въ проектѣ, то удобнѣе всего это выполнить на

гребномъ суднѣ, которое, при неодолимыхъ препятствіяхъ отъ льда, можно вытаскивать на льдины или укрывать въ заводахъ у берега. Мезенскіе и пустозерскіе промышленники употребляютъ карбасы разной величины, весьма удобные для плаванія между льдами. Для экспедиціи можно построить такой карбасъ въ Архангельскѣ. Такимъ образомъ, экспедиція избѣгнетъ затруднительнаго и недешеваго переѣзда берегомъ въ Пустозерскъ, а въ пути изъ Бѣлаго моря, можетъ принести пользу Гидрографіи обзоромъ Тиманскаго берега.»

Г. генералъ-гидрографъ, снесся съ главнымъ командиромъ архангельскаго порта, въ началѣ 1830 года, предпочелъ проектъ Пахтусова, какъ простѣйшій, въ сравненіи съ проектомъ Бережныхъ, который, по соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ, найденъ затруднительнымъ и на исполненіе требовалъ болѣе времени. Но какъ для снаряженія экспедиціи надлежало начать дѣйствія не позже февраля, то и отложено это дѣло до слѣдующаго года. Однако и 1831 годъ прошелъ безъ дальнѣйшаго распоряженія.

Между-тѣмъ Пахтусовъ, во время плаванія въ Бѣломъ морѣ, съ 1827 по 1831 годъ, рассказами своими обратилъ вниманіе отважныхъ поморцевъ на прибыльные промыслы у береговъ Новой-Земли, о которыхъ имѣлъ онъ весьма подробныя свѣдѣнія отъ пустозерскихъ промышленниковъ; а съ гидрографіею того края познакомилъ онъ ихъ черезъ путешествіе капитана Литке. Одинъ изъ молодыхъ поморцевъ осьмнадцати-лѣтній крестьянинъ, Гвоздаревъ, получилъ въ 1830 году карту Новой-Земли, принадлежащую къ путешествію капитана Литке, и весною, слѣдующаго года, вмѣсто того, чтобы идти для промысла трески на мурманскій берегъ, отправился на Новую-Землю, съ братомъ своимъ, однимъ работникомъ и мальчикомъ, на собственной шнякѣ (открытая лодка, употребляемая при промыслѣ трески). Въ Костиномъ Шарѣ и на рѣкѣ Нехватовой промыслилъ онъ нѣсколько моржей в полный грузъ гольцовъ (роль семги). Этотъ примѣръ привлекъ на слѣдующій годъ многихъ поморцевъ къ берегамъ Новой-Земли, и давно забытыя становища опять наполнились ладьями.

Въ 1828 году, находившійся въ Архангельскѣ совѣтникъ сѣвернаго округа корабельныхъ лѣсовъ, ученый форштмейстеръ г. Клоковъ, составилъ про-

ектъ о возобновеніи мореходства изъ Архангельска къ рѣкѣ Енисею; но, за непрерывными занятіями по службѣ, не могъ привести планъ свой въ исполненіе. Наконецъ, найдя въ Пахтусовѣ человека основательнаго и готоваго переносить трудности подобной экспедиціи, г. Клоковъ рѣшился дать ходъ своему проекту. Съ пожертвованіями, для него весьма значительными, вступилъ онъ въ началѣ 1832 года въ сношеніе съ коммерціи совѣтникомъ Брантомъ, для снаряженія экспедиціи, по видимому коммерческой, но въ самомъ дѣлѣ основанной на истинномъ желаніи принести пользу наукамъ и промышленности.

Мысль г. Клокова, о возобновеніи сибирской торговли моремъ, основана была на слѣдующихъ доводахъ: западная Сибирь, изобилующая произведеніями земли и звѣрми, ведетъ торговлю съ европейскою Россіею сухимъ путемъ, который обходится недешево, а потому многія произведенія того края остаются безъ сбыта, и дѣятельность промышленниковъ, особенно хлѣбопашцевъ, дремлетъ. При учрежденіи же морскаго торговаго пути къ за-уральскому краю, облегчится сбытъ тамошнихъ произведеній и доставка туда европейскихъ товаровъ. Историческія преданія удостовѣряютъ насъ, что въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ, жители нынѣшней Архангельской губерніи вели торговлю съ сѣвѣрною Сибирью не только черезъ Уральскій хребетъ, но и моремъ ходили на своихъ судахъ къ рѣкамъ Енисею и Оби. Путь къ рѣкѣ Оби совершали въ 3 или 4 недѣли, чрезъ волокъ и озера, изъ рѣки Мутной въ рѣку Зеленую; изъ Оби въ Енисей, чрезъ Обскую губу, въ 2 и 3 недѣли. Слѣдовательно возможность этого сообщенія доказана, и выгоды его для Сибири очевидны. Неудачныя покушенія Бармина и Лобанова возобновить торговлю съ Енисеемъ не доказываютъ невозможности этого въ нынѣшнее время; напротивъ того гидрографическія экспедиціи, совершенныя съ 1734 по 1739 годъ, служатъ болѣе доказательствомъ въ пользу новаго предпріятія. Экспедиція штурмана Иванова, описывающаго, въ 1829 году, берегъ Сибири отъ Вайчага до Оби, хотя и совершалась болѣею частію на оленяхъ по берегу, а не моремъ на судахъ, однако жъ также подтверждаетъ возможность морскаго пути, по-

крайней-мѣрѣ къ рѣкѣ Карѣ и въ губу Хайпутырку, лежащую между Печорою и Вайгачемъ.

Убѣдясь въ возможности и пользѣ морской торговли съ Сибирью, г. Клоковъ предположилъ возобновить оба торговые пути шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій. Но предварительно требовалось: 1) опытомъ увѣриться, въ какое время и съ какою степенью безопасности можно совершить путь къ рѣкѣ Енисею; и какъ кратчайшее плаваніе— между льдами чрезъ Маточкинъ Шаръ на востокъ по Карскому морю (около 450 итал. миль), то удобнѣе ли этотъ путь противу прежняго, около южнаго и восточнаго береговъ того моря? 2) Удобно ли пристанище судовъ въ губахъ Карской и Хайпутырской, и каковъ путь оттуда чрезъ волокъ, рѣки и озера къ рѣкѣ Оби? 3) Если возстановится путь къ рѣкѣ Енисею, то необходимо знать и восточный берегъ Новой-Земли, доселѣ намъ неизвѣстный. 4) Для безопасности и удобности постояннаго сообщенія съ рѣкою Енисеемъ должно учредить факторію при устьѣ этой рѣки, и становища съ лоцманами на островѣ Кузькиномъ, лежащемъ въ Енисейской губѣ, на островѣ Бѣломъ, на южномъ берегу Новой-Земли и при Маточкиномъ Шарѣ; а для пути къ Оби учредить факторію въ губахъ Хайпутырской или Карской, или при устьѣ рѣки Мутной, и лоцманское становище на Вайчагѣ или на островѣ Долгомъ.

Соображаясь съ этими требованіями, составленъ планъ экспедиціи изъ трехъ судовъ. Одно изъ нихъ должно пройти прямымъ путемъ чрезъ Маточкинъ Шаръ поперекъ Карскаго моря, или около восточнаго берега Новой-Земли, къ рѣкѣ Енисею и, оставя тамъ извѣстіе о своемъ плаваніи, поспѣшить возвращеніемъ въ Архангельскъ; другое судно опишетъ восточный берегъ Новой-Земли, и отъ мыса Желанія перейдетъ къ рѣкѣ Енисею, гдѣ займется подробною описью и промѣромъ устья этой рѣки и выборомъ мѣста для факторіи, а на слѣдующее лѣто возвратится, чрезъ Маточкинъ Шаръ или черезъ Карскія Ворота, въ Архангельскъ. Исслѣдованіе пути въ заливы Хайпутырскій и Карскій и къ рѣкѣ Мутной, предполагалось поручить третьему отряду экспедиціи. Но какъ, при самомъ началѣ выполненія этого плана, встрѣтилось затрудненіе въ снаряженіи трехъ судовъ въ столь короткое время, то осмотръ Карскаго залива, передъ устьемъ рѣки Кары, возложенъ на тотъ

отрядъ, который назначался къ подробной описи Новой-Земли и устья Енисея, съ тѣмъ, чтобы это судно, на обратномъ пути, плыло около восточнаго берега Карскаго моря и черезъ Карскія Ворота или черезъ Югорскій Шаръ.

Къ выполнению этого плана г. Клоковъ пригласилъ лейтенанта Кротова и подпоручика Пахтусова.

Въ апрѣлѣ 1832 года, гг. Брантъ и Клоковъ получили отъ Правительства дозволеніе снарядить и отправить экспедицію. Тогда же они приступили къ приготовленію судовъ. Одно изъ нихъ, назначенное для плаванія къ рѣкѣ Енисею, названо именемъ этой рѣки и поручено лейтенанту Кротову. Это судно, построенное на верфи архангельскаго купца Амосова, была купеческая шхуна, въ 50 футовъ по килу и въ 15 футовъ шпринвы, поднимавшая до 56 тоннъ. Подобныя суда г. Амосова употребляются для перевоза пассажировъ изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь. Г. Кротовъ избралъ себѣ помощникомъ корпуса флотскихъ штурмановъ поручика Козакова, служившаго съ нимъ на одной изъ шхунъ при промѣрѣ Вѣлаго моря; команды опредѣлено было на шхуну изъ поморскихъ и мезенскихъ промышленниковъ восемь человѣкъ.

Другое судно, названное «Новая-Земля», построено на верфи г. Бранта, по образцу большихъ пустозерскихъ карбасовъ, и поручено подпоручику Пахтусову, для описи восточнаго берега Новой-Земли и для дальнѣйшихъ изслѣдованій берега Сибири. Оно имѣло 42 фута длины и 14 ширины. Экипажъ судна, кромѣ начальника экспедиціи и помощника его, кондуктора Крапивина, состоялъ также изъ восьми человѣкъ, набранныхъ изъ промышленниковъ. Провизіи было взято на четырнадцать мѣсяцевъ.

Кромѣ того, съ промышленникомъ Гвоздаревымъ, который ѣхавъ на Новую-Землю на промыслъ, отправленъ срубъ избы, которую надлежало поставить на Маточкиномъ Шарѣ, на случай зимовки Пахтусова и Кротова.

Такимъ образомъ возобновилось покушеніе на описъ восточнаго берега Новой-Земли. «Это исполненіе дѣланія моего желанія, говоритъ Пахтусовъ, привело меня въ восторгъ. Заботы и физическіе труды, неизбѣжныя при сборахъ въ такую дальнюю дорогу, ка-

зались мнѣ легкими. Я чувствовалъ себя здоровѣе и веселѣе чѣмъ когда-либо.»

Перваго августа 1832 года, Пахтусовъ отплылъ изъ Архангельска и пустился бороться съ обыкновенными въ Бѣломъ морѣ опасностями, туманами и мелями; седьмаго числа, у Канина Носа, еще разъ встрѣтился съ Кротовымъ, шедшимъ къ Маточкину Шару, потомъ поворотилъ на сѣверо-востокъ; десятаго, къ немалой радости своей, увидѣлъ берегъ Новой-Земли и всталъ на якорь въ губѣ Широкихъ. Поплывъ далѣе на востокъ, онъ скоро встрѣтилъ столько льда, что принужденъ былъ, 31 августа, войти въ губу Каменку. Устье губы такъ затерло льдомъ, что не было никакой возможности выйти изъ нея. Одна, напримѣръ, глыба, въ полтора саженя окружности, остановилась на трехъ саженихъ глубины, упираясь своими ногами—какъ говорятъ промышленники—въ дно и торча еще до трехъ четвертей сажени поверхъ воды; на другія, уже стояція глыбы, надвигало торосы, груды ломаннаго льда до двухъ и болѣе сажень вышины. Тутъ Пахтусовъ приготовился на зимовку, чтобы обождать до лѣта вскрытія Карскихъ Воротъ. Онъ нашелъ тутъ ветхую, совершенно развалившуюся, промышленничью избу, которую перестроилъ изъ выкиднаго лѣсу. Покуда одна часть экипажа собирала по берегамъ лѣсъ и строила, другая ходила въ горы, на охоту за оленями, которыхъ однажды встрѣтили стадо въ 500 головъ. Въ половинѣ сентября постройка избы была окончена, провіантъ выгруженъ и книги и астрономическіе инструменты перенесены. Девятнадцатаго сентября вытащили судно на мель небольшой кошки и поставили на подпорахъ. Съ этого времени начали вести метеорологическій журналъ, въ который черезъ каждые два часа записывали высоту барометра, термометра и состояніе атмосферы. Занятія по описи прекратились совсѣмъ на восемь или на десять мѣсяцевъ.

Не угодно ли взглянуть въ это жилище, скорѣе похожее на сырую берлогу, куда десять человѣкъ добровольно заключили себя на цѣлую зиму? Послушаемъ самого Пахтусова.

«Изба наша поставлена на окладныхъ бревнахъ старой промышленничей избы, найденной нами 23 августа. Изъ нихъ могли мы употребить на дѣло только три вѣнца; остальные должно было пополнить

изъ собраннаго нами выкиднаго лѣса. Мы принуждены были ограничиться лиственничными, сосновыми, еловыми, пихтовыми и осиновыми деревьями. Окладныя бревна старой избы расположены были по компасному меридіану, лицомъ къ полдню, и занимали пространство квадрата на 13-ти футахъ. Вышина стѣнъ 5½ фут.; крыша, насланная привезенными изъ Архангельска досками, служила также потолкомъ; вышина избы на среднѣ 7 футовъ. На крышу накинаны песокъ и негодныя къ постройкѣ штуки бревенъ, а пазы прикопачены мхомъ. Около боковыхъ стѣнъ, лежащихъ къ В и З, сдѣланы нары изъ тѣхъ же досокъ, на полтора фута отъ земли; на полъ досокъ не достало. Въ сѣверо-западномъ углу избы поставлена печь изъ привезенныхъ кирпичей; на смазку употреблена здѣшняя прибрежная глина, которою изобилуетъ Новая-Земля. Эта глина оказалась лучше архангельской. Песокъ, очень хорошій, есть около одного изъ озеръ, но, по дальности отъ избы, мы его не брали, довольствовались архангельскимъ. Въ 2½ или 3 саженахъ къ сѣверу отъ дверей избы построили баню, также изъ стараго набраннаго лѣсу. Эти два строенія соединены небольшими сѣнями или корридоромъ, шириною въ 4 фута. Западная сторона сѣней осталась старая, а восточную составили мы изъ бочекъ съ провизією. На крышу сѣней или корридора употребили весла, негодныя доски и паруса. Въ сѣняхъ хранили мы теплую одежду, чтобы въ избѣ она не сырѣла отъ тепла, провизію, оружіе, небольшой очагъ для варки пищи, и все нужное для ежедневнаго употребленія. Постройка избы продолжалась 11 дней. Устроенное такимъ образомъ жилище, конечно не представляло большихъ удобствъ, но, за немѣнѣемъ лучшаго, мы были имъ довольны. Однако не могли не пожалѣть, что изба, отправленная на ладѣ съ Гвоздаревымъ, не попала въ наши руки.

«Поселившись въ избѣ, распредѣлилъ я всю команду на вахты, по 2 человѣка на каждую. Вахтенные люди обязаны были осматривать судно и вѣшнюю сторону сѣней, а ночью наблюдать за огнемъ и стеклянками. Я очередовался съ помощникомъ для веденія метеорологическаго журнала. Дѣятельность предохраняла насъ отъ скорбута, котораго должны мы были бояться, по тѣсотѣ и сырости нашего жилища.

«На третій день послѣ переборки нашей въ избу,

изъ моха въ пазахъ стѣнъ мѣстами показалась трава; нѣдѣли черезъ двѣ нѣкоторые стебли ея были до восьми дюймовъ длиною. Во все время пребыванія нашего на Новой-Землѣ, мы не видали зелени, да и впоследствии не случалось видѣть такой большой и свѣжей. Однако мы не могли радоваться превращенію избы нашей въ оранжерею, и по возможности старались очищать стѣны отъ этого украшенія.

«Не смотря на плохое устройство избы и сырое топливо, намъ было тепло, даже при морозахъ въ 30 градусовъ; это видно въ метеорологическомъ журналѣ, по термометру при барометрѣ. Только, топя печь, надѣвали мы суковные кафтаны; остальное время можно было сидѣть въ однихъ рубашкахъ. Угару также не было; за то сырость, и особенно спертый воздухъ, бывали иногда нестерпимы. Книги и платье, лежавшія на нарахъ, весьма скоро покрывались плесенью, и надобно было по временамъ просушивать ихъ. Прохаживаться въ избѣ не было возможности, по тѣсотѣ: между нарами оставалось пространство только въ 2½ фута шириною, и тутъ стоялъ еще столъ и прочая утварь. Ничивая топить печь, обыкновенно отворяли дверь, чтобы дымъ скорѣе выносило въ трубу; отъ этого, внизу было холодно, въ среднѣ умеренно, а вверху дымно. Для соблюденія чистоты, мы по временамъ скоблили полъ желѣзными лопатами и вытирали шваброю, но не мокрою; люди ходили въ баню каждую недѣлю; бѣлье мѣняли два раза въ недѣлю. Спать дозволялось имъ только ночью, не болѣе восьми часовъ; гулять выходили такъ часто, какъ только позволяла погода. Сидя въ избѣ, каждый занимался своею работою: одинъ чинилъ платье, другой снаряжалъ орудія для промысла звѣрей, остальные разговаривали про былое и пѣли пѣсни. По воскресеньямъ читали общую молитву; пища была для всѣхъ общая. Я старался удерживать товарищей моихъ отъ неумѣренности, потому-что, при отягощенномъ желудкѣ неодолимо клонить сонъ. Утромъ около 5 часовъ пили чай или сбитень; въ 7 или въ 8 часовъ часовъ немногo завтракали; въ 12 обѣдали; вечеромъ пили чай только тогда, когда днемъ много ходили, а чаще, вмѣсто чаю, около 6 часовъ ужинали. Водку давали только послѣ трудныхъ работъ, или въ ненастные дни послѣ прогулки.

«Воду для питья и варенія пищи брали мы изъ озе-

ра, лежащаго въ полуверстѣ на ЗСЗ отъ избы. Въ окружности было оно $\frac{3}{4}$ версты, глубиною до 5 футовъ. Эта вода казалась намъ вкусною, но въ чайникѣ дѣлалась отъ нея накипь, подобная извести; когда мыли ею голову, то волосы дѣлались связными, какъ отъ морской воды; но во вкусѣ она ни чѣмъ не отличалась отъ обыкновенной прѣсной воды.»

Замѣтимъ, что Пахтусовъ, съ самаго начала похода, имѣлъ одинаковую пищу съ командою и лично участвовалъ во всѣхъ трудныхъ работахъ. Известнымъ своимъ присутствіемъ духа спускалъ онъ полное послушаніе и довѣренность команды.

Вскорѣ по водвореніи на зимовьѣ случилось то, чего Пахтусовъ уже никакъ не ожидалъ. Еще въ сентябрѣ, потомъ въ октябрѣ и ноябрѣ, Карскія Ворота нѣсколько разъ открывались, очищаясь отъ льда, и Пахтусовъ очень сожалѣлъ, что такъ рано зазимовалъ. «Впрочемъ, говоритъ онъ, меня нѣсколько утѣшало то, что часто находили туманы и временно шель густой снѣгъ; и тотъ и другой закрывали отъ насъ чистое волнующееся море. Какія двѣ противоположности! Когда мы были подъ парусами, тогда желали чистаго моря, а теперь, какъ бы съ досады, стараемся не выдать его. Съ пятнадцатаго ноября по четвертое декабря море было совершенно свободно отъ льда; вѣтры стояли благоприятные для описи и успѣхи могли бы быть весьма хорошіе, еслибъ не препятствовали тому холодъ и мятели. Теперь я въ полной мѣрѣ убѣдился, что Карское море бываетъ иногда совершенно открыто, въ чемъ при началѣ нашихъ покушеній сомнѣвался было, когда на каждомъ шагу встрѣчалъ непреодолимые препятствія.»

Чтобы чѣмъ-нибудь наполнить время и придать занимательность прогулкамъ своей команды, Пахтусовъ приказалъ поставить по берегу моря, на двѣ версты въ обѣ стороны отъ избы, нѣсколько кулемъ или ловушекъ, для промысла песцовъ. Эта охота служила имъ размеченіемъ три или четыре дня въ недѣлю. Построеніе и настороженіе кулемъ ничего не стоитъ и не требуетъ большаго искусства: онѣ ставятся изъ выкиднаго лѣсу, даже изъ сыраго и гнилаго, негоднаго на топливо. Для приманки или паживки кладутъ въ кулему ворваннаго сала или свиного жиру золотника три. Когда звѣрь тронетъ приманку, его прила-

вить доскою и задержать въ кулемѣ до прибытія охотниковъ. Но во время вскрытія моря путешественники были лишены и этого удовольствія.

«Съ самаго того времени, какъ отнесло льды, по кулемамъ начали ходить медвѣди, и объѣдать въ нихъ паживки; песцы перестали попадаться, и прогулка наша сдѣлалась не только не занимательною, но часто и опасною. Сначала медвѣди не ѣли въ кулемахъ приманки изъ свиного жиру, и какъ бы съ досады ломали ихъ, а стоявшіе съ ними рядомъ, съ ворванными саломъ, всегда почти были объѣдены. Чтобы отвести этихъ посѣтителей, мы наживили въ кулемы свинымъ жиромъ, но это средство не принесло ожидаемой пользы; кулемы только два дня оставались цѣлыми, хотя и можно было замѣтить по слѣдамъ, что медвѣди къ нимъ приходили, а на третій день онѣ всѣ были уже совершенно опустошены. Хотя я неоднократно слышалъ, что бѣлый медвѣдь ловить нерпъ, зайцевъ и даже моржей, но этому не очень вѣрилъ; теперь же убѣдился въ этомъ на дѣлѣ. По приближеніи льда къ берегу, медвѣдей не стало видно подлѣ кулемъ, т. е. на берегу, конечно, потому, что на льдахъ находили они лучшую пищу. Лисицы также не мало мѣшали промыслу: онѣ объѣдали паживки въ кулемахъ, но, по природной хитрости своей, никогда не попадались. Прежде мнѣ никогда не случалось слышать, чтобы лисицы водились на Новой-Землѣ, и потому мы не запаслись капканами и окормкой, которыми обыкновенно промышляютъ этого звѣря.

«Однажды поутру услышали мы, что кто-то скоблится на избѣ, и думали, что это былъ медвѣдь; но вышедъ изъ сѣней съ ружьями, увидѣли песца, который въ то же время соскочилъ съ крыши и убѣжалъ. Этотъ случай доказываетъ, что и песцы во время зимы терпятъ голодъ, когда рѣшаются идти за пищую въ столь опасное для нихъ мѣсто. Еще прежде замѣтили мы, что песцы, попадавшіеся намъ осенью, были очень жирны, а теперь такъ тощи, что едва можно отдѣлать шкуру отъ мяса. Главная ихъ пища состоитъ изъ мышей, въ большомъ количествѣ водящихся въ сѣверныхъ странахъ. Эти мыши красивѣе обыкновенныхъ, и имѣя коротенькій хвостъ и пушистую шерсть; кажутся круглыми; ихъ называютъ въ Лапландіи пеструшками, а ново-земельскіе про-

мышленики — песцовками. Норы ихъ зимою во многихъ мѣстахъ заноситъ глубокимъ снѣгомъ, слѣдовательно, песцы съ трудомъ могутъ ихъ доставать и принуждены бываютъ голодать. Мы даже не разъ имѣли случай удостовѣриться, что песцы ѣдятъ другъ друга.

«Въ ночи 15 декабря, сдѣлавшимся самымъ крѣпкимъ ЮЮВ вѣтромъ, при жестокой мятели, большую лодку нашу, опрокинутую подлѣ избы, унесло на 150 сажень, и раскололо бывшій подлѣ нею маленькій челнокъ изъ осиноваго дерева. Лодка также много потеряла; однако, имѣя въ ней крайнюю нужду для будущаго лѣта, принялись мы ее починивать, хотя съ нашими средствами было это весьма трудно. Но нужда болѣе всего дѣлаетъ людей изобрѣтательными и трудолюбивыми. Однимъ словомъ, лодка была исправлена.

«Праздникъ Рождества Христова встрѣтили мы усердными молитвами о сохраненіи нашего здоровья и благодареніемъ Богу, что Онъ по-своему такъ милостиво хранилъ насъ. Послѣдующіе дни Святотъ провели въ обыкновенныхъ деревенскихъ увеселеніяхъ, сколько средства наши позволяли. Вечеру 26 декабря подходили къ избѣ три бѣлые медвѣдя, но они скоро удалились, не сдѣлавъ ни малѣйшаго вреда; гнаться за ними съ ружьями, по темнотѣ, было бесполезно и опасно. Это посѣщеніе медвѣдей повторившееся довольно часто, дало поводъ ко многимъ шуткамъ на-счетъ святочныхъ маскараровъ.

«До исхода декабря мы провели скучное время нашего зимовья въ занятіяхъ, не чувствуя почти никакой болѣзни; только отставной матросъ Фелотовъ былъ нѣсколько слабѣе другихъ и не могъ участвовать въ трудныхъ работахъ. У Рудакова, въ слѣдствіе прежнихъ болѣзней, обнаружались на тѣлѣ красныя пятна и небольшія раны на ногахъ. Хотя онъ нѣсколько и жаловался на эту болѣзнь, но, будучи веселаго нрава, и зная худыя послѣдствія унынія и лѣности, не хотѣлъ уклоняться отъ работъ. Между-тѣмъ я пользовалъ обоихъ больныхъ, сколько позволяли бывшіе подлѣ руками медикаменты и ограниченныя свѣдѣнія мои въ медицинѣ. Прочіе люди были совершенно здоровы, но румянца въ лицѣ ни кто изъ нихъ не имѣлъ: это, конечно, происходило отъ тяжелаго воздуха и тѣсноты нашего жилища: въ

избѣ не иначе можно было помѣщаться, какъ сидя или лежа на нарахъ.»

Надобно замѣтить еще, что въ этой тѣсной избѣ они слишкомъ два мѣсяца сидѣли въ комнатѣ и днемъ при огнѣ, потому-что, при наступленіи большихъ морозовъ, доходившихъ до 32°, окно такъ обложилось льдомъ изнутри, что оно стало совершенно бесполезно. Его снаружи заколотили досками и всю избу обрыли снѣгомъ.

Девятаго января, въ полдень, при ясной погодѣ, увидѣли солнце подлѣ горизонтномъ, черезъ сѣверовосточную оконечность острова Логинава, съ высоты отъ поверхности моря на 40 футовъ. Разстались они съ нимъ съ пятаго ноября. И такъ, ночь ихъ продолжалась 65 сутокъ. Во все это время они имѣли свѣтъ зари, продолжавшійся ежечасно два съ половиною часа, когда солнце находилось около меридіана; свѣтъ луны и сѣверныя сіянія также помогали имъ. Четырнадцатаго января они въ первый разъ открыли окно, выходящее на югъ. Погода все еще стояла переменная. Съ 26 по 30 море было открыто, а съ 30 на 31 ледъ опять придвинуло къ берегу. Для узнавія толщины льда въ губѣ и на Оленьемъ озерѣ сдѣланы были прорубы. Толщина льда оказалась на озерѣ 3 фута 3 дюйма, а на губѣ, которая въ одно съ нимъ время замерзла, 3 фута 1 дюймъ. На тринадцать дюймовъ отъ поверхности ледъ имѣлъ вкусъ совершенно прѣсноты, а ближе къ водѣ соленый.

Седьмаго и осьмага марта, при ясной погодѣ, барометръ показывалъ 20, 50, а температура воздуха въ полночь—22°, и къ полудню термометръ постепенно поднимался до—12°. Около полудня была столь сильная рефракція, что предметы, находившіеся къ югу отъ зрителей, представлялись вдвое и втрое болѣе настоящей ихъ величины, и показывались разныя фигуры изъ стамухъ льда. Такое явленіе жители нашихъ полярныхъ странъ называютъ *мареемъ*.

Съ этого времени Пахтусовъ занялся приготовленіемъ къ описи берега и потому прекратилъ ловъ песцовъ, которыхъ въ продолженіе зимы поймано сорокъ два бѣлыхъ и одинъ голубой. Имъ удалось также убить одного медвѣдя, который подошелъ къ самой избѣ и глядѣлъ въ окно минутъ пять. Охотники тотчасъ вышли въ сѣни и ранили медвѣдя позади переднихъ лопатокъ. Онъ бросился бѣжать и

попалъ на веревку, на которой сушили бѣлье. Тонкая веревка (лотинъ въ 12 нитей) оборвалась и раненный звѣрь побѣжалъ къ губѣ Каменкѣ, но удался сажень на 30, изнемогъ и упалъ. Тогда сдѣлавъ другой выстрѣлъ по головѣ медвѣдя и рогатина докончила его. Изъ всѣхъ видѣнныхъ путешественниками медвѣдей, только еще первый достался имъ въ добычу. Промыселъ этихъ звѣрей, даже и настоящіе промышленники считаютъ опаснымъ, особенно на берегу: это видно изъ ихъ поговорки: «дай Богъ промыслить моржа на берегу, а *ошкул* (бѣлаго медвѣдя) на водѣ», потому-что медвѣдь, при чрезвычайной силѣ, довольно поворотливъ и смѣлъ на землѣ. Безъ ружья къ нему приблизиться весьма опасно; рогатину же часто вышибаетъ онъ изъ рукъ промышленниковъ. Говорятъ, что онъ одолеваетъ большихъ моржей и вытаскиваетъ ихъ на ледъ и на берегъ. Размѣры убитаго медвѣдя были слѣдующія: длина по спинѣ отъ ушей до хвоста 6 футовъ 1 дюймъ, ширина по переднимъ лопаткамъ 3 фута, толщина шеи въ окружности 3 фута, толщина туловища по срединѣ между передними и задними лопатками 6 футовъ 5 дюймовъ; толщина передней ноги около лапы въ окружности 17 дюймовъ; ширина лапы по пальцамъ 9 дюймовъ. Сала изъ этого звѣря, который былъ средней величины, получено 5 пудъ 30 фунтовъ.

(Окончаніе впереди.)

С м ѣ с ъ,

ПАДЕНІЕ ВАЛАНСІЕНСКОЙ БАШНИ. Седьмого апрѣля 1843 года, жители Валансіена лишились одного изъ древнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ памятниковъ своего города. Въ этотъ день, Площадь-Оружій, гдѣ, нѣсколько вѣковъ, возвышалась величественная башня, была услана лишь грудями развалинъ. Валансіенская башня, основанная въ 1237 г., представляла четырехугольное зданіе, нижняя часть котораго была сложена изъ дикаго камня, между-тѣмъ какъ отъ известной высоты до самой вершины былъ употребленъ бѣлый камень; на верхней платформѣ, окруженной зубчатою оградой и четырьмя башенками, возвышалась деревянная будка часового. Въ

началѣ шестнадцатаго столѣтія, Жанмаръ-Леварье, желая потѣшить своихъ согражданъ, завелъ музыкантовъ, которые должны были играть каждый день въ двѣнадцать часовъ, а въ торжественные дни съ утра до вечера. Это обыкновеніе сохранилось, въ продолженіе двухъ вѣковъ, до седьмого года Республики, которая конфисковала земли, принадлежавшія этому общественному зданію. Въ разные времена въ постройкѣ башни были произведены многія перемѣны, и кругомъ нея возвысились прекрасныя зданія, украшенные превосходною скульптурною работою. Въ 1782 и 1784 годахъ вершина башни была передѣлана снова; къ несчастію, въ этомъ случаѣ, бывшіе камни замѣнены были голубоватымъ известнякомъ, который, по своей чрезмѣрной тяжести, рано или поздно, долженъ былъ сокрушить все зданіе. Но эта опасность еще болѣе увеличилась отъ неискреннихъ работъ, предпринятыхъ въ послѣднее время для поправки башни. Сначала въ стенахъ образовались трещины; а седьмого апрѣля, утромъ, начали обваливаться камни съ самой вершины и предвозвѣстили жителямъ угрожающую опасность. Вечеромъ рухнула вся башня съ ужаснымъ шумомъ. Понятно, какое ужасное зрѣлище должно было представлять паденіе такой массы, которая, отъ основанія до острия громоотвода, поднималась на двѣсти-двадцать-девять футовъ, и которая обрушилась вдругъ, заваливъ своими обломками окрестныя зданія. Вся площадь и входъ въ улицы были загромождены грудями камней, балокъ, железа и мусора. Подъ развалинами погибли семь человекъ, въ числѣ которыхъ первую жертвою этой катастрофы былъ несчастный часовой; кромѣ того, многіе были изувѣчены.

МАКДОНАЛЬДЪ-КЛЕРКЪ, СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЙ СУМАСШЕДШІЙ ПОЭТЪ. Жизнь Макдональда-Клерка надолго останется въ памяти жителей Нью-Йорка. Нѣсколько лѣтъ, его странности были предметомъ общихъ разговоровъ, и его физиономія была знакома каждому ребенку. Въ послѣдніе годы, черты его лица приняли болѣзненное выраженіе глубокой грусти, но въ молодости онъ слылъ красавцемъ.

Клеркъ родился въ Новомъ-Джонсонѣ, въ области Коннектикутъ. Ему еще не было двѣнадцати лѣтъ, какъ онъ лишился своей матери, и съ-тѣхъ-поръ скитался по блгому свѣту безпріютнымъ сиротою. Онъ жилъ нѣсколько времени въ Филадельфій; но въ этомъ городѣ изъ всей жизни Клерка знаютъ лишь то, что онъ всегда ночевалъ на кладбищѣ возлѣ могилы Франклина. Въ 1819 году, онъ пришелъ въ Нью-Йоркъ, и чтобы спастись отъ гнѣвущей бѣдности, началъ писать для

журналовъ. Здѣсь онъ влюбился въ одну хорошенькую актрису и рѣшился искать ея руки; но мать молодой артистки не хотѣла и слышать объ этомъ союзѣ, потому-что Клеркъ былъ бѣднякъ и не имѣлъ никакихъ средствъ для содержанія семейства. Клеркъ вздумалъ похитить предметъ своей страсти; но, для этого романческаго приключенія, выбралъ самую неблагопріятную минуту. Его невеста должна была играть въ тотъ вечеръ роль *Офеліи* въ Гамлетѣ; она шла въ театръ, какъ встрѣтила Клерка, на дорогѣ. Любовники отправились къ священнику, который былъ предувѣдомленъ обо всемъ и тотчасъ благословилъ ихъ союзъ. Послѣ вѣнчанія, Офелія, натурально, забыла Гамлета, и воротилась домой вмѣстѣ съ своимъ супругомъ. Ея дѣвическая комната превратилась въ храмъ Гименея. Между-тѣмъ въ театрѣ нетерпѣливая публика шумѣла, требовала представленія; директоръ долженъ былъ объявить, что Офелія пропала; партеръ не хотѣлъ видѣть никакой другой пьесы кромѣ трагедіи Шекспира, и потребовалъ назадъ деньги. Възбѣшенный директоръ въ тотъ же вечеръ отправился къ матери Офеліи и объявилъ, что ея дочь будетъ исключена изъ его труппы. Мать, послѣ долгихъ поисковъ, пришла въ такое же бѣшенство, какъ и директоръ, когда нашла молодыхъ въ своемъ собственномъ домѣ. Она выгнала ихъ изъ дома. Было уже полночь; новобрачные должны были провести эту ночь подъ открытымъ небомъ. Они не имѣли рѣшительно никакого прибѣжища; но они были молоды, они любили другъ друга, и потому съ улыбкою предалися волѣ судьбы. Макдональдъ не заботился о будущности; погода была прекрасная: онъ гулялъ съ молодой женою по окрестнымъ полямъ и въ стихахъ и въ прозѣ повторялъ ей утѣшительную мысль, что вся природа предлагаетъ имъ свои услуги. Въ ясные ночи, они находили пріютъ подъ навѣсомъ деревьевъ; а въ дождливую погоду приходили въ городъ и укрывались подъ сводами гостиннаго двора. Между-тѣмъ, бѣдность мало-по-малу стала выказываться въ своей страшной наготѣ. Въ одинъ вечеръ, какъ бушевала гроза, они были такъ близко отъ дома матери, что рѣшились искать въ немъ крова отъ сильной бури; но напрасно стучали они въ ворота; никто не думалъ отворить ихъ. Наконецъ имъ пришла мысль приступить захватить ту комнату, въ которой пролежали первые часы ихъ брачной жизни. Къ несчастію, подъ самую кровлю былъ устроенъ глубокий резервуаръ, въ который стекала дождевая вода. Макдональдъ устроилъ изъ двухъ досокъ мостикъ и перебрался къ дому; потомъ онъ протянулъ руку своей женѣ; но доски были слишкомъ ветхи, не могли выдержать тяжести двухъ человекъ, и несчастные супруги погрузи-

лись въ резервуаръ. Ихъ жалобный крикъ наконецъ вывезъ изъ дому непреклонную мать. Она схватила свою дочь за волосы и нѣсколько разъ окунула ее въ воду, прежде чѣмъ согласилась вытащить вонъ. Потомъ увела ее съ собою, а Макдональду сказала, что онъ можетъ обсушиться, гдѣ ему заблагоразсудится.

Супруги были разлучены. Мать заставила свою дочь помириться съ директоромъ и снова вступить на сцену. Къ несчастію, поэзія первой любви молодыхъ супруговъ была не слишкомъ цвѣтиста; а театръ представляетъ столько искушеній, особенно для молодой, хорошенькой актрисы, которая, въ добавокъ, была очень бѣдна. Супруги сказали другъ друга вѣчно прощай. Когда Макдональдъ рассказывалъ объ этомъ случаѣ своей странной исторіи, то всегда прибавлялъ: «Я никогда не упрекалъ ее, хотя она растерзала мое сердце. Я знаю, что безъ роковыхъ обстоятельствъ, она была бы со всѣмъ не то; я плачу объ ней: она не столько преступна, сколько несчастна.»

Но съ этой эпохи, умственные способности поэта разстроились болѣе и болѣе, такъ-что наконецъ онъ сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ *сумасшедшаго поэта*. Это разстройство отозвалось и въ его поэтическихъ произведеніяхъ; но иногда истинное вдохновеніе согрѣвало его душу и обнаруживалось въ прекрасныхъ, хотя отрывочныхъ, неоконченныхъ стихахъ. Онъ непрестанно повторялъ пѣсни любви; но подъ словомъ любовь онъ разумѣлъ таинственное соединеніе душъ: къ нему слетали гени и учили его языку; но этотъ языкъ, которымъ онъ услаждался въ своемъ уединеніи, надо было переводить на языкъ земной. Клеркъ сожалѣлъ, что онъ не могъ выражать иначе небесныхъ ощущеній. Онъ былъ уврѣненъ, что его душа потеряла свою божественную поруку на небесномъ пути; и напрасно его взоры искали ее вездѣ... она была невидима. Вся его жизнь протекла въ безпокойномъ желаніи отыскать другую половину самого-себя; эта мысль постоянно звучала въ его плачевныхъ элегіяхъ. Вотъ одна изъ его элегій.

«Напрасно я ищу отдыха во снѣ; мои грезы ужасны во тмѣ; оваряющій ее духъ приводитъ ее лишь въ заблужденіе своимъ грустнымъ мерцаніемъ. Но дитя, чѣмъ дремлетъ на груди матери, чѣмъ, что просыпается въ цвѣтчаной чашечкѣ, ангелъ, приносящій съ своимъ лобзаніемъ мечту о невинности, будутъ завидовать мнѣ, если я отыщу нѣкогда ту, которая однимъ взглядомъ облегчитъ мое страданіе, которая будетъ для меня все,—свѣтъ, небо и любовь.»

Макдональдъ часто находилъ осуществленіе своего

идеала въ какой-нибудь дѣвушкѣ и начиналъ преслѣдовать ее своимъ энтузіазмомъ. Но его преслѣдованія не оскорбляли никого. Онъ благословлялъ всѣхъ, желая служить всѣмъ, и приходилъ въ отчаяніе отъ мысли, что не можетъ исполнить этого. Все, чѣмъ онъ владелъ,—деньги, часы, порстни, все это онъ отдавалъ нищимъ съ такимъ радушіемъ, что у нихъ невольно вырывались слезы. Наконецъ, когда у него ничего не оставалось, онъ бралъ на руки какого-нибудь оборваннаго ребенка, приносилъ его въ какой-нибудь богатый домъ и, явившись въ хозяйкѣ, говорилъ: «Миледи, Богъ наградила васъ своими благами; они принадлежатъ Ему а не вамъ; возьмите этого бѣднаго ребенка, вымойте его, накормите и оденьте во имя Бога, живущаго на небесахъ». Рѣдко случалось, чтобы его просьба оставалась безъ успѣха.

Макдональдъ велъ простую и воздержную жизнь; даже въ крайней бѣдности онъ сохранилъ какое-то достоинство. Его изорванное платье было всегда чисто, опрятно. Онъ часто ходилъ въ церковь, гдѣ, подъ звуки органа, предавался религиознымъ размышленіямъ. При концѣ жизни, его сумасшествіе дошло до послѣдней степени. Въ праздникъ Рождества Христова, одинъ журналистъ встрѣтилъ его въ гостинницѣ. «Вы думаете, сказалъ поэтъ, что я Макдональдъ-Клеркъ; но вы ошибаетесь. Онъ застрѣлился въ четвергъ вечеромъ. Вспомните, какая въ то время была гроза; тогда небо пролило надъ нимъ слезы. Но Богъ оживилъ его тѣло. Я не Макдональдъ-Клеркъ, я Азара, посланникъ Всевышняго.» Потомъ онъ заговорилъ о своей любви: «Нынче я былъ въ церкви, сказалъ онъ, Миссъ Мери сидѣла позади меня. Я уронилъ на ея колѣни библию, въ бархатномъ переплетѣ съ золотыми застежками; что же, вы думаете, она сдѣлала? она пришла въ изумленіе и возвратила мнѣ библию. Вотъ какъ поступаютъ со мною! Я желалъ бы привѣтливой улыбки Мери; эта улыбка была бы для меня свѣтлымъ вдохновеніемъ; я сталъ бы писать такіе стихи, какихъ еще никогда не читали. Я не могу заботиться самъ о себѣ, прибавилъ онъ съ грустною улыбкою: надо отправить меня въ больницу... не лучше ли будетъ умереть? Луна бросаетъ свой свѣтъ на могилы сквова вътви ивъ, тогда онъ, кажется, усыпаны алмазами. На кладбищѣ Гринвудъ есть свѣжее

мѣстечко для моего успокоенія. Я не боюсь смерти. Звѣзды небесныя тамъ смотрятся въ озеро, и озеро отражаетъ ихъ лучезарныя головы.»

Миссъ Мери, о которой говорилъ Макдональдъ, была богатая невеста въ Нью-Йоркѣ. Разстроенному воображенію поэта она представлялась его потерянною половиною. Молодые дѣвушки поддерживали эту странную идею своими шутками; онъ увѣрялъ Клерка, что Мери влюблена въ него безъ памяти, передавали ему письма отъ ея имени, и наконецъ проводили его къ дому обожаемой Мери и оставили у воротъ. Бѣдняка, разумется, прогнали. Два дня спустя, вечеромъ, онъ встрѣтился, на улицѣ, съ однимъ нищимъ и отдалъ ему все деньги, сколько имѣлъ. Нищій, увидѣвъ въ поэтѣ подобнаго себѣ бѣдняка, хотѣлъ возвратитъ ему деньги; но Клеркъ отказался взять ихъ назадъ и умолялъ нищаго, чтобы онъ рассказалъ свою исторію. Нищій началъ рассказывать, а поэтъ записывалъ его слова. Въ этомъ положеніи нашла ихъ городова стража. Такъ-какъ Клеркъ не могъ объяснить, кто онъ былъ, то его отвезли въ тюрьму. Друзья пришли навѣстить его. Онъ сказалъ имъ, что съ нимъ обходятся очень ласково, но что онъ желалъ бы жить на свободѣ. Но черезъ несколько минутъ, онъ закричалъ: «Воды, воды! Мой мозгъ горитъ!» Въ самомъ дѣлѣ, это былъ припадокъ сумасшествия. Поэтъ умеръ черезъ несколько дней, на сорокъ-пятый годъ жизни. Множество малютокъ провожали его гробъ. Его похоронили на кладбищѣ Гринвудъ, подъ тѣнью сосны, возлѣ могилы одного дитяти. Все это было исполнено по его желанію. Одинъ изъ его друзей рассказываетъ, что разъ какъ-то онъ прогуливался съ Клеркомъ по кладбищу, и поэтъ съ дѣтскою радостію выразилъ ему свою надежду, что дѣти проводятъ его до могилы. «Я хочу, чтобы меня похоронили возлѣ дѣтей, говорилъ онъ. Я увѣренъ, что на небѣ найду музыку, дѣтей, цвѣты и чистый воздухъ.»

Въ Нью-Йоркѣ теперь открыта подписка для сооруженія мраморнаго памятника Макдональду-Клерку. Но такой памятникъ, кажется, не совсѣмъ гармонируетъ съ характеромъ и судьбою покойника; лучше было бы обсадить его могилу розовыми кустами и написать его имя на простомъ крестѣ, который бы указывалъ друзьямъ послѣдній пріютъ бѣднаго поэта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ книжномъ магазинѣ К. А. Полеваго, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Городской Думы, въ домѣ Рогова, продаются слѣдующія книги:

МОЛОДИКЪ. На 1844 годъ (выпускъ четвертый). Украинскій литературный сборникъ, издаваемый И. Бещкимъ съ портретами и картин. С. П. Б. 1844 г. цѣна 3 р. сер.

ВОЛШЬОЙ РУЧНОЙ СЛОВАРЬ. Французско-Русскій, въ двухъ томахъ, заключающій въ себѣ все слова, употребительныя въ обществѣ. Состав. *Евстафійемъ Ольдекопомъ.* С. П. Б. 1834. Цѣна за оба тома 4 р. сер. 1-я часть поступи-

ла въ продажу, а на вторую выдается билетъ.

МОСКВА И МОСКВИЧИ. Записки Богдана Ильича Бѣльскаго, издаваемые М. И. Загоскинымъ. Выходъ 2-й. М. 1844 г. цѣна 1 р. 50 к. сер.

СЕНСАЦИИ и замѣчанія госпожи Курдюковой за границею, данъ г'Этранже. Италія. 1844 г. цѣна 3 р. сер.

Опечатка. Въ 6-мъ номерѣ, на 184 страницѣ, во второмъ столбцѣ на 12 строкѣ снизу вмѣсто *фатовъ* должно читать *доймовъ*.

Печатать позволено. Санктпетербургъ, 26 Апрѣля 1844 г. Цензора: А. Крыловъ и А. Очкинъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

РЕД. К. МАСАЛЬСКІЙ.

Этот журнал выходит четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полу-года, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домъ Матлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

~~135~~
~~84~~ 194
198 510

№ 8. АПРѢЛЬ 1844.

~~438~~ А 139
1 36
СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя извѣстія. — Иностранная Словесность. Альбина, повесть Александра Дюма. (Окончаніе). — Науки и Художества. Кювье. — Смысь. Самуель Ганеманъ. — Чудовищный корабль. — Спотокователи у дровяныхъ народовъ. — Способъ тушить пожаръ парами.
При этомъ номерѣ приложенъ портретъ Самуеля Ганемана.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.